

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

Триллер. Головокружительные интриги с романтическим сюжетом.

*Романы Бренды Новак — это захватывающий сюжет, сложные
антиподоположные герои, запутанные ситуации, постепенно
нарастающее напряжение и неожиданная развязка.*

Romantic Times

HARLEQUIN®

Бренда НОВАК

МОЛЧАНИЕ МЕРТВЫХ

*Publisher's Weekly: «Бренда Новак знает, как придать
любой истории напряжение».*

*Five star's: «Сложная, запутанная история Грейс и Кеннеди
разворачивается на фоне жестокости, злобы и, что
удивительно, надежды».*

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Бренда Новак

Молчание мертвых

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587885

Бренда Новак «Молчание мертвых»: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02328-5

Аннотация

Грейс Монтгомери закончила Джорджтаунский университет первой в группе. Она стала отличным помощником прокурора и не проиграла в суде ни одного дела, а ее по-особенному чувственная красота будила в мужчинах самые разнузданные плотские желания. Но была в ее прошлом тайна, грозящая раздавить и ее саму, и ее семью, и все то, что Грейс с таким трудом выстроила за эти годы. А она вернулась в этот городишко Стилутер, где почти все относились с презрением и злобой к ее семье, считая их «белой швалью» и подозревая в убийстве отчима, преподобного Ли Баркера, уехавшего однажды и уже никогда не вернувшегося назад. Грейс вернулась для решающей схватки со своим прошлым, в которой ей предстоит или выиграть, или погибнуть!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	52
Глава 4	79
Глава 5	107
Глава 6	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Бренда Новак

Молчание мертвых

*Самые счастливые женщины, как самые
счастливые народы, не имеют истории.
Джордж Элиот*

Глава 1

Съехав на обочину узкого проселка, Грейс Монтгомери смотрела на старый сельский дом, в котором выросла. Даже густая, обволакивающая темнота летней ночи, рассеять которую тщетно старался ухмыляющийся полумесяц, не скрывала очевидного: ее старший брат поддерживал семейное гнездо в достойном состоянии.

Но это ведь всего лишь ловкий трюк, жульничество, разве нет? Принимаемое за очевидное часто обманчиво, и кажущееся не совпадает с действительным. Так было всегда. Вот в чем проблема – потому она и дала себе слово, что никогда сюда не вернется.

В спальне наверху мигнул и погас свет. Клэй ложился спать; наверное, в обычное для себя время. И как только можно жить здесь одному? Этого Грейс не понимала. Как можно есть, спать, заниматься хозяйством всего лишь в сорока шагах от места, где они схоронили тело отца?

Она вышла из автомобиля, маленького БМВ, и сигнализация тут же напомнила об оставленном в замке зажигания ключе. Вообще-то посещение родного дома в ее планы не входило, но, оказавшись поблизости, Грейс решила убедиться в том, что и сейчас, спустя многие годы, ничто не выдает содеянного.

К ферме вела длинная подъездная дорога. Вечер был безветренный, тишину нарушали лишь цикады с лягушками да хруст мелкой гальки под ногами. Она уже забыла, какими глухими бывают ночи в этой части штата и как ярко светят звезды вдали от города.

В детстве они втроем – с младшей сестрой, Молли, и старшей, сводной, Мэдлин, – частенько ложились спать на передней лужайке. Чудесное было время. Они болтали, смеялись, любовались бархатно-черным небом, и звезды смотрели на них сверху и подмигивали, обещая счастливое будущее. Такие простодушные, наивные, невинные. Когда Мэдлин была рядом, Грейс ничего не боялась. Но быть рядом постоянно Мэдлин не могла. Даже не понимала, что это нужно. Ей и сейчас невдомек, каково было тогда Грейс. В ночь, когда все пошло не так, она гостила у подруги.

Вечер выдался теплый и душный, но, подходя к ферме, Грейс невольно поежилась. Справа от дорожки, между тополей и плакучих ив, притаился амбар. Она ненавидела все так или иначе связанное со старой фермой. Здесь ей приходилось чистить стойло, убирать за жеребцом, ездить на кото-

ром отчим не позволял никому и с которым справлялся только сам. Здесь она собирала яйца и сражалась с противным петухом, часто налетавшим с явным намерением выклевать ей глаза. И здесь же, у правого угла постройки, у преподобного была конторка, куда он уходил писать воскресные проповеди и где стоял запертый на ключ картотечный ящик.

Запах магнолий и свежей сырой земли отозвался живыми, ничуть не стершимися воспоминаниями, от которых ее пробил холодный пот. Крепко, так, что ногти врезались в ладони, сжав кулаки, Грейс твердо напредила себе, что она уже не беспомощная девчушка, и постаралась выгнать из головы мысли о конторке. Сама же давала зарок – не думать, забыть.

Да вот только забыть не получилось. Все ли там по-прежнему, в той тесной, душной комнатухе? Если не считать того, что хранилось в конторке, они не тронули ничего, оставили как было, словно в ожидании возвращения преподобного. Так решила мать, настоявшая на том, что менять что-либо было бы неразумно. Это она внушила, вдолбила всем им – за исключением, разумеется, Мэдлин, – что они должны говорить о преподобном так, словно он жив. Жители городка уже тогда относились к ним с подозрительностью.

Да, память у местных долгая, здесь ничего не забывают, но ведь со времени внезапного исчезновения преподобного прошло восемнадцать лет. Пожалуй, Клэй все же мог бы разобрать эту проклятую пристройку...

В темноте грянул вдруг суровый, низкий голос:

– Убирайся с моей земли, или буду стрелять.

Грейс обернулась – в нескольких футах от нее стоял мужчина, высокий, не меньше шести футов и четырех дюймов, и плотный, словно вытесанный из камня. Конечно, это был Клэй, и его ружье смотрело прямо на нее.

Стреляй, мелькнула шальная мысль, но уже в следующее мгновение Грейс рассмеялась. Клэй, как всегда, бдителен и зорок. Впрочем, ее это не удивило – он всегда был Хранителем и Защитником.

– Что? Ты уже не узнаешь собственную сестру? – сказала она, выступая из тени.

– Грейс? – Дуло охотничьего ружья опустилось, а сам Клэй даже подался вперед, словно хотел обнять ее. Она и сама ощутила нечто похожее, но, как и он, осталась на месте. Отношения между ними складывались... непросто. – Господи, Грейс? Мы же не виделись тринадцать лет. Я тебя едва узнал. А мог бы и подстрелить, – хмуро добавил брат.

Она не стала признаваться, что на какое-то мгновение поддалась трусливому желанию: *одна пуля, и все было бы кончено.*

– Неужели? А вот я тебя везде бы узнала.

И верно, узнала бы. Может быть, потому, что часто его вспоминала. Да он и не слишком-то изменился. Те же густые черные волосы – темнее даже, чем у самой Грейс, – курчавятся надо лбом. Те же загадочные светлые глаза, так похожие на ее собственные. Тот же решительно выдвинутый под-

бородачок. Разве что стал еще плотнее, набрав мышечной массы, отчего она при своих ста двадцати фунтах и пяти с половиной футах роста чувствовала себя рядом с ним чуть ли не крохой. Но это было, пожалуй, единственным различием.

– Думала, ты уже спишь.

– Увидел твою машину.

– А чужакам тут делать нечего.

Если он и услышал в ее реплике легкую насмешку, то не подал и виду. Только бросил быстрый взгляд в сторону рожицы, отмечавшей могилу их отчима.

Первым неловкое молчание нарушил Клэй:

– А тебе, вижу, городская жизнь пошла на пользу. Хорошо выглядишь.

В Джексоне дела и впрямь шли неплохо. По крайней мере до тех пор, пока Джордж Данаган, человек состоятельный, дипломированный юрист, не попросил ее руки. И когда Грейс в третий раз не смогла сказать «да» – хотя они оба знали, что она этого хочет, – он наконец не выдержал и прекратил с ней все отношения. Сказал, что не хочет и слышать о ней до тех пор, пока она не сходит на прием к психотерапевту и не разберется со своими проблемами.

Грейс пыталась последовать его совету – но сеансы не помогали. Слишком много в ее жизни было такого, о чем она не желала говорить. Было и то, что она хотела бы, но не могла обсуждать – ни с психотерапевтом, ни с кем-либо еще, включая Джорджа. И хотя Джордж в последнее время смягчился

и даже начал ей звонить, застарелые нерешенные проблемы все еще стояли между ними.

Оставалось надеяться, что долго так продолжаться не будет. Либо она совладеет с собственным прошлым, либо оно переборет и раздавит ее. Кто знает, чем все это кончится? Грейс лишь пообещала себе, что не вернется к прежней жизни в Джексоне, пока сама не разберется с тем, что случилось давным-давно в Стиллуотере.

– Дел хватает.

– Мать говорит, ты в Джорджтауне была первой в своем классе.

Шесть лет назад... Грейс сухо улыбнулась. С какой почти-тельностью он это сказал. Она никогда не довольствовалась достигнутым, и радости от успехов ей хватало ненадолго.

– Если очень хочешь, добиться можно многого.

– И как только тебе удалось туда поступить?

Она уехала из Стиллуотера через два дня после окончания средней школы, работала официанткой в грязной забегаловке в Джексоне, экономила, откладывала каждый доллар и не расставалась с книгами, готовясь к вступительным экзаменам. И когда набрала в итоге почти максимальную сумму баллов, ее школьные результаты никого уже не интересовали. Ей удалось поступить в университет Айовы, а потом ее приняли и в Джорджтаунский.

Но обсуждать сейчас все эти детали с Клэем было бессмысленно. Время учебы в колледже, когда спать случалось

не больше трех-четырех часов в сутки, вспоминалось без гордости и ностальгии. Другие могли позволить себе пренебрегать занятиями в пользу веселой жизни, она же держалась особняком и признавала только одну отметку – «отлично».

Она старалась расчитать за прошлое, доказать всем и самой себе, что ее недооценивали. Но, закончив юридическое отделение и отработав последние пять лет в должности помощника окружного прокурора, поняла простую истину: бегство не есть решение. В личной жизни все осталось по-прежнему, и прогресса не намечалось.

– Мне просто повезло.

Клэй оглянулся на дом:

– Зайдешь?

Уловив в вопросе надежду, Грейс посмотрела на веранду, сидя на ступеньках которой они обычно слушали, как мать читает Святое Писание. Преподобный требовал, чтобы изучению Библии уделялось не менее часа в день. И надо сказать, час этот проходил не без приятности. Летние дни клонились к вечеру, духота спадала, и она слушала мать со стаканом прохладного лимонада. Мягкий, переливчатый голос, поскрипывание досок под старым креслом-качалкой, танцующие в воздухе светлячки. Грейс это даже нравилось – пока не приходил преподобный.

– Нет. Я... я лучше поеду.

Она отступила в темноту. Повидала брата, убедилась, что с ним все в порядке, что он настороже, и хватит. На сегодня

с нее воспоминаний достаточно.

– Надолго в город?

Грейс остановилась.

– Еще не знаю.

Клэй нахмурился, и его приятные черты вдруг обострились, стали жестче и грубее. Похоже, сбережение мрачной семейной тайны оказалось делом нелегким, и груз выпавшего на его долю бремени давал о себе знать.

– Так что же тебя сюда привело? После стольких-то лет...

Она прищурилась под его взглядом, но глаз не отвела.

– Иногда меня так и тянет рассказать всем о том, что здесь случилось. Это было бы справедливо и правильно.

– А почему ты думаешь, что знаешь, как правильно, а как неправильно?

– Потому что последние пять лет я занималась тем, что защищала истину и справедливость и заставляла людей нести ответственность за свои поступки.

– И ты уверена, что всегда наказывала того, кого надо? Что люди получали заслуженное наказание?

– Мы должны полагаться на систему. Без нее общество развалится.

– И кто же заслуживает наказания за то, что здесь случилось?

Тот, кто лежит в земле, хотела сказать Грейс, но Клэй знал это и без нее, а потому она промолчала.

– Почему же не призналась раньше? – спросил он. Она

невесело усмехнулась:

– Наверно, потому же, почему и ты до сих пор охраняешь это место с ружьем.

Несколько секунд Клэй молча смотрел на нее.

– Похоже, тебе предстоит принять нелегкое решение.

– Наверно.

Молчание.

– И ты не попытаешься меня отговорить? – с кривой усмешкой спросила Грейс.

– Каждый решает для себя сам.

Какой уклончивый ответ. Она хотела бы услышать другой – чтобы зацепиться, схватиться, возмутиться, обвинить кого-то. Чтобы не дать ему обойти ее так легко. Но прежде чем она успела что-то сказать, Клэй сменил тему:

– Так ты ушла с работы?

– Нет, у меня отпуск. – За последние пять лет у нее не было ни одного прогула. Штат задолжал ей два месяца, к тому же она еще взяла и отпуск.

– Не самое лучшее место для отпуска.

– Ты же здесь живешь, так?

– У меня на то веская причина.

Грейс не удивилась бы, если бы брат, по примеру матери, назвал ее предательницей, но чувствовала – Клэй рад, что сестра сбежала в город. Он хотел, чтобы она держалась подальше отсюда, жила своей жизнью и забыла о нем, о Стилуотере, обо всем.

Из-за этой вот душевной щедрости Грейс ощущала себя не в своей тарелке – потому что хотела того же и для него.

– Ты тоже мог бы уехать, если бы хотел по-настоящему, – сказала она, понимая в глубине души, что он с ней не согласится.

– Я сам так решил, – твердо отрезал он и замолчал, плотно сжав губы.

– Ты такой упрямец. Так и проведешь здесь всю жизнь.

– Где остановишься? – спросил Клэй, пропустив ее последнюю реплику.

– Сняла домик Ивонны.

– Так ты уже знаешь...

Боль в груди заставила ее напрячься.

– Молли позвонила мне, когда она умерла.

– Молли была на похоронах.

– У Молли свои причины, чтобы приезжать сюда, – резко ответила Грейс, хотя в голосе брата и не прозвучало осуждения. Если бы и она могла поступать так же, как Молли, приезжать и уезжать, когда заблагорассудится, вести себя естественно, как все остальные. Но нет, у нее так не получилось бы – слишком многое мешало. – Кроме того, я была занята на важном процессе.

Это было правдой, но, с другой стороны, она даже не попыталась вырваться. Три месяца назад она еще уверяла себя, что никогда, ни при каких обстоятельствах не вернется в Стиллуотер. Ни за что. Ну, только на похороны матери. Да

и то...

– Я знаю, Ивонна многое для тебя значила. Хорошая была женщина.

В тот год, когда Грейс уехала из Стилуотера, Ивонне Уокер, бездетной вдове с нежной, черной, как соболиная шерсть, кожей и глазами, видевшими в людях только хорошее, исполнилось шестьдесят пять. В течение многих лет она, независимо от погоды, сидела под тентом в своем дворике на углу Мэйн-стрит и Эппл-Блоссом и продавала самодельное мыло, а также, в зависимости от сезона, яйца от собственных кур, пикули, персики и томаты со своих грядок, пироги со сладким картофелем и шоколадное печенье с орехами.

В Стилуотере Ивонна считалась чудачкой, и на то было три причины. Она не терпела преподобного, не лезла в чужие дела и всегда была добра к Грейс.

– Знаешь, она выслала мне письмом все свои рецепты, – сказала Грейс.

Именно тот пакет, прибывший из офиса окружного прокурора через неделю после похорон, и склонил Грейс к возвращению в Стилуотер. Пакет да настойчивое желание Джорджа, потребовавшего, чтобы она устранила препятствия, мешавшие ей принять его предложение. Он даже выдвинул ультиматум: решить все проблемы в трехмесячный срок. Заявил, что не хочет прожить жизнь в ожидании того, что, как ему представляется, может быть, никогда и не про-

изойдет.

Клэй, словно чувствуя себя неловко оттого, что держит оружие, взял ружье другой рукой.

– Народ думает, что все ее рецепты ушли с ней в могилу.

– Нет.

Они стали ее прощальным подарком – ничего другого от Ивонны Грейс не получила.

– Наверно, выбрала тебя, потому что ты частенько ей помогала.

Скорее всего, подумала Грейс, старушка догадывалась о случившемся на ферме.

Чувство вины смешалось с печалью, сожаление с неуверенностью, и она вдруг ощутила в горле комок.

– Легко ничего не дается, так ведь, Клэй?

– Да, легко ничего не дается, – согласился он. – Тут ты права.

Она шагнула по дорожке.

– Уже поздно. Мне пора.

– Подожди. – Его теплая рука на мгновение легла ей на талию, но он тут же убрал ее, словно испугавшись, что Грейс обидится. – Мне жаль, что так случилось. Ты ведь это знаешь, верно?

Видеть перед собой его искаженное мучительной гримасой лицо было выше ее сил. Куда легче жить с убеждением, что ему неведомы те страдания, что терзают ее. Знать, что Клэю так же плохо... она бы этого не вынесла.

– Да, знаю, – сказала Грейс негромко и зашагала к машине.

Каждый решает для себя сам...

Эти слова брата всю ночь и все утро звучали у нее в голове. Таким образом Клэй дал понять, что не станет возражать, если она выступит с признанием. Он ничего не сказал о последствиях такого шага и не стал упоминать тех, кто серьезно при этом пострадает. Просто взял и переложил ответственность на ее плечи.

И за это она любила его и ненавидела.

Как бы хотелось ей вытащить из клубка эмоций хоть одно четко определенное чувство...

В дверь позвонили. Отодвинув в сторону ящик с вещами, Грейс поднялась и прошла через комнату по деревянному полу. Большую часть стоявшей в доме Ивонны мебели забрали ее сестры и кузины; оставшееся они намеревались выставить на дворовую распродажу. Связавшись с Рексом Питерсом, единственным на весь город агентом по недвижимости, и взяв дом в аренду, Грейс в самый последний момент успела спасти посуду, кухонные принадлежности, кое-какую мебель, садовый инвентарь и несколько картин. Теперь оставалось только дожидаться Джорджа, обещавшего привезти из Джексона кровать, комод с зеркалом, диван, несколько стульев и столовый набор. Она намеревалась прожить в Стилуотере всего лишь три месяца – «для примирения с семьей»,

как выразился Джордж, – но в любом случае без мебели было не обойтись.

В какой-то момент она попыталась утешить себя мыслью, что Джордж будет спешить и захочет поскорее вернуться в город. После примирения отношения между ними так и не сложились по-настоящему, и хотя ей, разумеется, хотелось увидеть знакомое лицо, никакого особенного нетерпения она не испытывала. Трудно постоянно чувствовать, что от тебя ждут чего-то такого, что ты не в состоянии дать. И еще она боялась, что ему, чего доброго, взбредет в голову заняться с ней любовью. Это пугало больше всего.

Звонок повторился.

Джордж, как всегда, нетерпелив.

– Иду. – Грейс распахнула дверь, но на ступеньках стоял не Джордж, а мальчик с серыми глазами, россыпью веснушек на носу и торчащими из-под бейсболки пучками белокурых волос.

– Здравствуй, – удивленно сказала она.

Он наморщил нос и посмотрел на нее снизу вверх:

– Здравствуйте.

Она ждала – он молчал.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Хотите, постригу вам лужайку? Всего за пять долларов.

Грейс вскинула брови:

– А с газонокосилкой без посторонней помощи справишься?

Судя по выражению лица, мальчонка не оценил ее сомнений в его способностях.

— Я уже делал это раньше, — обиженно ответил он. — Для Ивонны.

В давние времена, когда Грейс проезжала мимо этого дома на велосипеде, Ивонна предлагала ей ту или иную мелкую работу. Скорее всего, она прекрасно обошлась бы и без этой помощи, как обходилась без нее долгие годы одинокой жизни. Предложение работы было всего лишь поводом дать Грейс возможность привезти домой персиков или пикулей и заработать несколько долларов.

А в деньгах семья нуждалась постоянно, особенно после того, как Клэй, по настоянию Айрин, отправился в колледж.

— Я коплю, — добавил мальчик.

Грейс не удержалась от улыбки:

— И на что же?

Он замялся:

— Это секрет.

— Вот как. — Она скользнула взглядом по перепачканным кедам, стершимся на коленях джинсах и сползающей с плеч футболке. Конечно, ему не мешало бы почиститься, но, может быть, отправной точкой станет нынешнее утро? Вот только есть ли кому о нем позаботиться? — Тебе сколько?

— Восемь.

Меньше, чем ей показалось на первый взгляд. На вид все девять. Она высунула голову за двери, посмотрела вле-

во-вправо, но никого не увидела.

– Живешь здесь?

Он кивнул.

– Понятно. Что ж, поскольку газонокосилки в доме нет, полагаю, работа для тебя найдется.

Вместо того чтобы расцвести счастливой улыбкой, чего ожидала Грейс, мальчик внимательно оглядел двор и, ставив бейсболку, задумчиво почесал голову, как будто ему было по меньшей мере лет на двадцать больше.

– Хотите, чтоб я сделал это сегодня?

– Пожалуй, нет. По-моему, трава еще не отросла.

Он нахмурился – перспектива быстрых денег растаяла, что явно его не порадовало.

– Я мог бы и сорняками заняться.

– За пять долларов?

– Если еще и задний двор, то нет.

Винить его она не стала. Сад занимал не меньше четверти акра и был сильно запущен.

– Ладно, давай так. Занимаешься передним двором и грядками.

– А вы печеньеца не накинете?

Грейс с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. Мальчонка, несомненно, обиделся бы, решив, что она не воспринимает его всерьез.

– С тобой, дружок, непросто сговориться.

– Это ж всего только печеньеце.

– Но я ведь и въехать не успела. И печенье еще не пеку. Он задумчиво наморщил лоб.

– А если завтра?

– Готов поработать в кредит?

– Конечно. – Он улыбнулся, обнаружив факт отсутствия двух передних зубов. – Лучше печенье завтра, чем вообще никакого, так? Может, вы мне целых две дадите, раз уж я подождать согласился.

Мальчонка определенно смысленый.

– Тебя как звать? – спросила она с улыбкой – его глаза хитровато блеснули.

– Тедди.

– А меня Грейс. Ну что ж, похоже, мы договорились.

– Спасибо! – Он живо метнулся к клумбе, и в этот самый момент из-за угла показался фургон.

Увидев ее, Джордж улыбнулся, помахал рукой и свернул на подъездную дорожку.

– Тот еще домишко, – сказал он, выходя из кабины. Она кивнула:

– Проходи, посмотришь. Дом старый, но мне нравятся и высокие потолки, и оконные рамы, и обои, и полы. Знаешь, здесь все напоминает о *ней*. Я закрываю глаза и чувствую аромат специй, которые она использовала. Как будто она все еще здесь.

– Кто «она»? – спросил Джордж.

– Ивонна.

– Та женщина, что недавно умерла? Та, что продавала печенье и фрукты у себя во дворе?

Грейс кивнула и распахнула перед ним дверь.

– И как тебе удалось попасть в ее дом?

– Я уже говорила тебе по телефону, забыл?

– Извини. У меня в голове только одно – дело Ригли.

Она закрыла за ним дверь.

– Это то, об изнасиловании?

– Да.

– Согласна, это проблема.

Но вообще-то никакого сочувствия Грейс не испытывала. Она видела, какие доказательства собраны против его клиента, чувствовала нутром, что тридцатилетний каменщик опасен и склонен к жестокости, и никак не хотела, чтобы этот человек отделался пустяковым наказанием за содеянное только потому, что он клиент Джорджа.

– Верно, проблема. Но ты все-таки расскажи, как попала в этот дом. По-моему, тебе здесь нравится.

– На самом деле мне просто повезло. Родственники Ивонны хотели его продать, но большого спроса на недвижимость здесь нет, и я убедила их подождать с выставлением дома на рынок, предложив заплатить за три месяца вперед.

– Но ты же не собираешься устраиваться здесь надолго? – спросил Джордж.

– В Стилутотере? – Она с недоумением посмотрела на него. Именно Джордж настаивал на том, что ей нужно вернуться

в родной город и раз и навсегда урегулировать семейную ситуацию. И вот теперь ему уже не нравится, что она воспользовалась его советом?

– Да. – Он смахнул капельку пота, скатившуюся с лоснящихся черных волос, уже начавших редеть на макушке. – Вроде бы нет, да? Ты же ненавидишь этот городишко.

Вообще-то все было не так просто, но Джордж вырос в обеспеченной семье с двумя заботливыми родителями и младшей сестрой, относившейся к нему с нескрываемым обожанием. Он не понимал всей сложности взаимоотношений в их семействе, не понимал, что скелеты в ее шкафу вполне реальны. В результате Джордж предпочитал не воспринимать всерьез ее сдержанного отношения к браку. «Разве ты не можешь просто переступить через это?» – спрашивал он накануне их последнего разрыва. Если бы все было так легко.

– Я не имею ничего против сельской жизни с ее неторопливым ритмом. Не имею ничего против здешней архитектуры.

Дело было не в них, а в воспоминаниях, которые не давали покоя. Да, сегодня ее мучила жара, но с жарой ей приходилось мириться и в Джексоне.

– Ты права. В этом доме ощущается классика, некое достоинство.

– Пойдем в кухню. Выпьешь чего-нибудь холодненького.
Джордж кивнул в сторону двери:

– Что это за мальчишка у тебя на клумбе?

Когда Джордж проходил мимо, Тедди смерил его оценивающим взглядом, но потом – Грейс видела это в окно – снова вернулся к работе.

– Соседский парнишка.

– Симпатичный. По крайней мере, ему не двадцать, и я могу не опасаться, что тебя украдут.

Грейс легко распознала нотку обеспокоенности. Джордж ожидал от нее каких-то заверений. Конечно, он не был ей безразличен и пусть не всегда понимал ее проблемы, но неизменно оставался верным другом. И она планировала выйти за него замуж – как только сердце перестанет разрываться надвое.

– Ты меня не потеряешь.

Он взял ее за руку и, наклонившись, поцеловал в лоб.

– Рад слышать. Вот вернешься домой, и мы все забудем и двинемся дальше.

Мы все забудем... Джордж часто старался ободрить ее такими вот разговорами, но у него не было старых шрамов, и он просто-напросто не желал слышать ничего, кроме «да».

– Конечно, – сказала Грейс, потому что ей нужно было поддержать его веру в нее.

Джордж посмотрел на нее так, словно то ли сомневался, то ли не совсем поверил. А потом поцеловал.

Она обняла его за шею, наслаждаясь поцелуем, пока он не попытался пойти дальше, а в ней, словно желчь, подня-

лось какое-то странное, непонятное сопротивление. Грейс отстранилась и улыбнулась, пряча под улыбкой неуместную реакцию.

– Давай приготовим тебе что-нибудь выпить, ладно?

– Звучит неплохо. – Джордж последовал за ней, переступая через коробки, которые она привезла в Стилутер на своей машине.

– Чем будешь заниматься? Куда себя денешь?

– Пока еще думаю.

– А я уже подумал. Давай привезу компьютер, и ты сможешь помогать мне в чем-то?

Она вскинула бровь.

– А не слишком ли ты рискуешь, допуская к своим материалам сторону обвинения?

– Господи, Грейс. Расслабься. У тебя впереди три месяца отдыха. Никаких дел ты больше вести не будешь.

И все равно это было бы серьезным нарушением профессиональной этики, а потому Грейс не проявила интереса к предложению.

– Спасибо, но не надо. И компьютер я оставила не без причины. Не хочу, чтобы что-то связывало меня с работой. – Она собиралась вступить в решающую схватку с собственными демонами, а не заглушать боль все большими порциями рутины.

– Так чем же ты собираешься заниматься?

Войдя в кухню, они оказались в окружении высоких рас-

крашенных шкафчиков и формочек для выпечки.

– Попробую готовить по тем рецептам, что прислала Ивонна.

Он посмотрел на нее немного снисходительно:

– Будешь делать домашнее мыло, лосьоны и все такое?

– Вот именно. – Она достала из холодильника кувшин с малиновым чаем и налила в стакан.

– Ну, вижу, беспокоиться мне совсем не о чем, – пошутил Джордж.

Грейс протянула ему стакан:

– Почему?

– Трудно представить, чтобы молодая и способная помощница прокурора сидела во дворе и сбывала самодельное мыло. Надолго тебя не хватит.

Грейс убрала выбившиеся из-за ушей прядки. Может быть, новое занятие и не потребует таких умственных и психических усилий, как ее привычная работа, но и таким хаотичным и беспорядочным оно точно не будет. Обязанность помощника окружного прокурора состоит главным образом в том, чтобы прибирать за другими, пытаться поправить то, что осталось после совершенного уже преступления. Сейчас ей хотелось хотя бы на время забыть о грабежах, изнасилованиях и убийствах и посвятить себя чему-то простому и чистому.

– Зато поможет скоротать время, – сказала она, чтобы не спорить.

- И ты захочешь поскорее вернуться к настоящей работе.
- Может быть.
- Даю тебе неделю.

Грейс подумала, что продержится все же подольше. Может быть, ей не очень нравилось на ферме, но здесь, в доме Ивонны – взгляд пробежал по успевшей уже полюбиться кухне, – она впервые за очень долгое время почувствовала себя дома.

Глава 2

Сотовый зазвонил рано утром. Посчитав, что звонят из офиса, Грейс торопливо поднялась и потянулась за трубкой, чтобы успеть ответить до того, как звонящего переведут на голосовую почту.

И только секундой позже вспомнила, как помогала Джорджу втаскивать наверх, в бывшую спальню Ивонны, привезенную им кровать.

Ты же не в Джексоне. Ты в Стиллуотере, напомнила она себе. *И собираешься пожить здесь какое-то время.*

– Никто меня не украдет, Джордж, – пробормотала Грейс, нажимая на кнопку и ожидая услышать его голос. К счастью, накануне он так спешил вернуться в Джексон и заняться делом Ригли, что даже не стал тащить ее в постель. А теперь, наверно, хотел сообщить, что добрался до дому в целости и сохранности. – Алло?

– Тебе нужно поскорее позвонить маме и Мэдлин.

Голос принадлежал ее младшей сестре, Молли, работавшей на одного нью-йоркского дизайнера. Подростком Молли не меньше Грейс рвалась из Стиллуотера, но первый после окончания школы год провела с матерью, помогая той перебраться с фермы в город. Потом она получила грант от федерального правительства, позволивший ей посещать Институт моды и маркетинга дизайнерской продукции в Лос-

Анджелесе. С тех пор Молли возвращалась только для того, чтобы навестить Грейс в Джексоне и Айрин, Клэя и Мэдлин в Стилуютере.

Прогоняя остатки сна, Грейс потеряла лицо и тряхнула головой.

– Почему?

– Они знают, что ты в Стилуютере.

– Клэй уже рассказал?

– Насколько я знаю, ты позапрошлой ночью останавливалась возле фермы. И сколько, по-твоему, Клэй должен был ждать?

– Ну, наверно, столько, чтобы я смогла подготовиться.

– А ты попросила его никому о своем переезде не рассказывать?

– Нет. Я знала, что он в любом случае расскажет маме.

– Ну вот.

подавив зевок, Грейс отбросила простыню. Утро, а термометр уже показывает тридцать шесть, и духота такая, что не продохнуть. Ни открытые окна, ни тихо бормочущий в углу вентилятор положения не спасали. И никаких других вариантов не было – разве что сесть в ванну, наполненную кубиками льда. Кондиционером Ивонна так и не обзавелась.

– Хорошо, позвоню, но только чуть-чуть попозже.

– Ты знаешь, что мама с кем-то встречается? – спросила Молли.

Сонливость, с которой Грейс сражалась уже несколько ми-

нут, вдруг улетучилась сама собой.

– Через столько-то лет? Не может быть. Ты меня разыгрываешь?

– Нет.

– Я разговаривала с ней пару недель назад, но она ничего такого не сказала...

– Все началось относительно недавно. Я позвонила Клэю в субботу, и он рассказал, что мама часто куда-то уходит и ведет себя скрытно. Мы подумали и решили, что она с кем-то встречается.

– По-твоему, это кто-то здешний?

– Если и здешний, то я даже представить не могу, кто это мог бы быть. Ты ведь знаешь, в Стилутотере ее всегда недолюбливали.

– Но теперь-то все не так плохо, как раньше, согласна?

– Конечно. Но в городе еще немало людей, которые никогда не примут ее за свою.

– Подозрения так легко не уходят.

Молли пропустила комментарий сестры мимо ушей.

– Как бы там ни было, если ей встретился приличный человек, то, на мой взгляд, самое время. После всего того, через что ей пришлось пройти, она заслуживает хорошего мужчины.

– А если он не хорош?

– Ты не думаешь, что когда-то и нам должно повезти? Ошибиться трижды рядом было бы несправедливо. Да это и

невозможно.

Возможно, невозможно – наверняка никто заранее не скажет. Но даже если Айрин и впрямь встречается с приличным, достойным человеком, заслуживает ли он такой награды, как их семейство? В любом случае худшего он наверняка еще не знает. Частью ее собственной проблемы с Джорджем была именно невозможность быть честной до конца.

– Такого, чтобы был хуже нашего отца или преподобного, найти не так-то легко.

– У нашего папочки бывали светлые моменты.

– Да, пока он не сбежал.

– Вот и я к тому же. Говорить можно не о двух ошибках, а об одной большой. Ей не следовало выходить за преподобного. Она бы и не вышла, если бы не оказалась в отчаянном положении. Мама всего лишь заботилась о нас.

– Знаю.

Грейс никогда не винила Айрин за то, что она купилась на мечту, олицетворением которой казался преподобный. Солидный семейный человек, способный постоять за нее и ее детей, не уклоняющийся от ответственности, как их родной отец. Никто и представить не мог, что у Баркера, пользовавшегося всеобщей любовью проповедника, есть и скрытая, темная сторона.

– Так почему ты мне не сказала? – спросила Молли. Судя по изменившемуся тону, она переключилась на новую тему.

– Не сказала что? – Измученная духотой, Грейс стащила

майку, в которой спала, и теперь сидела перед вентилятором в одних трусиках. Кожа блестела от выступившего пота.

– Что наконец-то возвращаешься в Стилуютер.

Грейс уже думала об этом. Она знала, что Молли, если попросить, составит ей компанию. В семье Молли всегда обо всех заботилась, всем старалась помочь. Но идти по стопам матери, вечно искавшей, на кого бы ей опереться, Грейс не желала.

– Все случилось так внезапно, буквально в последнюю минуту.

– Извини, но в такое трудно поверить.

– Тем не менее это правда.

– Но ведь к переезду надо было подготовиться.

– Говорю тебе, это случилось очень быстро.

– Ну, как скажешь. – Похоже, продолжать спор Молли не хотелось. – И как оно? Ты уже осознала, что вернулась? Как себя чувствуешь?

Грейс упала на кровать и уставилась в потолок, словно надеясь найти там ответ на вопрос сестры. Разумеется, некоторая настороженность осталась, но в данный момент спальня Ивонны воспринималась как место привычное, знакомое и безопасное. И она вовсе не горела желанием куда-то спешить, с чем-то торопиться.

– Все в порядке.

– Ты там надолго?

– Я сняла дом на три месяца, но не уверена, что смогу так

долго здесь продержаться.

– Пожалуйста, пообещай, что позвонишь маме.

– Я и собиралась. Просто... не успела.

– Звонок много времени не отнимет – всего лишь несколько минут.

– Молли, не начинай.

– Я и не начинаю. Сама жутко спешу. Если сейчас не выйду, точно опоздаю на работу.

– Ну так иди.

– Если что-то понадобится, позвони.

– Обязательно. – Грейс знала, что сестра вот-вот положит трубку, но все же не удержалась от еще одного вопроса: – Молли?

– Да?

– Как у тебя это получается?

– Что получается?

– Ну, ты приезжаешь сюда, бываешь у Клэя в том... в том доме, обедаешь с Мэдлин, зная при этом, что...

– Я об этом не думаю, – оборвала ее сестра.

Но разве можно не думать? Человек, бывший их отчимом, мертв. С тех самых пор, как Грейс помогла Клэю стащить тело по ступенькам и положить в тачку, ей едва ли не каждую ночь мерещилось, что преподобный смотрит на нее через окно.

– Знаю, Мэдлин до сих пор надеется, что отец вернется однажды в город и преподнесет всем большой сюрприз, – про-

должала Молли. — Но мы же с тобой понимаем, что его нет. Что он ушел навсегда. И что мир стал без него только лучше.

— Аминь, — пробормотала Грейс. — Да вот только не так все просто.

— Будет просто — надо только не забивать себе этим голову. Неужели она это серьезно?

— А если кто-то догадается, что случилось на самом деле? В наше время старые дела раскрываются не так уж редко. Кто-то может наткнуться на машину в карьере. Или смерч вывернет из земли такое, что и представить страшно. Или появится заслуживающий доверия свидетель, который представит иную версию тех событий.

— Успокойся. Прошло восемнадцать лет. Все в порядке.

— Знаешь, в Стиллуотере люди никогда ничего не забывают. Преподобного здесь почитали чуть ли не за святого. Никто ведь и понятия не имел, каков он на самом деле.

— Они не могут даже доказать, что он умер. Уж ты-то прекрасно знаешь, как работает наша судебная система.

Странно, от слов Молли легче не становилось. Сам факт, что они все еще скрывали случившееся много лет назад, беспокоил Грейс, служа доказательством того, что она осталась прежней и не стала тем, кем считали ее другие.

— Ладно, отправляйся-ка на работу.

— Поговорим позже.

— Хорошо. — Грейс положила трубку и, подойдя к окну, посмотрела на задний дворик. Судя по всему, родственники

Ивонны вовсе не заботились о доме так, как его прежняя хозяйка. После ее смерти здесь ничего не чинили и не поправляли.

Ну, это дело поправимое и...

Грейс вдруг заметила черный внедорожник, остановившийся у забора в переулке.

– Ой! – Она отпрыгнула от окна. Заметил ли ее водитель? Вполне возможно. Вечером она завесила окно простыней, но посреди ночи сняла ее из-за духоты.

Грейс в смущении прикусила губу. Что же делать?

Впрочем, если кто-то ее и заметил, то многого с такого расстояния он не увидел. По крайней мере, она на это надеялась.

Натянув футболку и шорты и сунув ноги в кеды, Грейс спустилась вниз. Через часик можно будет позвонить матери и Мэдлин. А для начала стоит поработать в саду.

Рука дернулась, кофе выплеснулся на колени, и Кеннеди Арчер коротко ругнулся – в окне стояла обнаженная женщина. Дом Ивонны еще не выставили на продажу, поэтому он и не ожидал увидеть в нем кого-либо. И меньше всего черноволосую красотку. Тем более в половине седьмого утра. Судя по тому, с какой быстротой незнакомка скрылась из вида, она вовсе не собиралась выставляться напоказ. Но такое тело привлекло бы любого и, уж конечно, не оставило бы равнодушным мужчину, не знавшего женщин вот уже два

года, с тех пор как умерла его жена.

– Папа? Ты в порядке?

Кеннеди прижал сотовый к уху. Надо же такому случиться: сын позвонил за пару секунд до того, как его привлекло движение в окне, а потом выплеснувшийся кофе обжег колени, и он, разумеется, не сдержался.

– В порядке, Тедди, – ответил он, пытаясь удержать растекающуюся по брюкам лужицу подальше от самой уязвимой зоны.

– Я не хочу сегодня оставаться с бабушкой, – понизив голос, сообщил сын.

Кеннеди и сам это знал. Хит, которому исполнилось всего лишь десять, неплохо ладил с Камиллой Арчер и почти никогда не жаловался. Но он был спокойный, терпеливый, внимательный – из тех детей, что склонны к интеллектуальной деятельности. Камилла всегда называла его «хорошим мальчиком».

Тедди был совсем другим. Активный, шумный, упрямый, высокого мнения о себя – это в восемь-то лет! – он постоянно, при каждом удобном случае задибался с бабушкой. По крайней мере именно так это подавала сама Камилла. Они как будто боролись за власть, и никто не хотел уступать. Тем не менее Кеннеди знал, что при правильном подходе договориться с Тедди совсем не трудно. У Рэйлин это всегда получалось, но она с самого начала была ближе к младшему сыну.

– Куда бы ты хотел пойти? – спросил он.

– Домой?

– Домой нельзя. Там за тобой некому присматривать.

– А Линди?

Линди было шестнадцать, и она жила неподалеку. По крайней мере, Кеннеди воспринимал ее как соседку. Просто его дом стоял в таком месте, что в пределах видимости никого не было. Линди ему нравилась, но в последний раз она пригласила в дом своего приятеля, и они с его мальчиками смотрели фильмы ужасов категории «R». В общем, на ее здравомыслие полагаться не приходилось.

– Нет. Но можешь побыть у миссис Уивер.

– Я туда не хочу!

Жаль, что родители Рэйлин десять лет назад отправились вслед за ее братом во Флориду. С бабушкой Хортон Тедди ладил лучше, чем с бабушкой Арчер. Но теперь мальчик виделся с ними лишь пару раз в году.

– Тедди, мы это уже обсуждали. Принимая во внимание все варианты, дом моей мамы – самое подходящее для тебя место. И не так уж там плохо. На прошлой неделе бабушка возила тебя в зоопарк в Джексон, помнишь?

– Да, было здорово, – согласился Тедди. – Но я... мне скучно. Ты можешь приехать и забрать меня?

– Извини, приятель, но у меня сегодня работа. И ты это знаешь.

– Тогда возьми меня с собой. Я могу играть в твоем офисе в банке.

Кеннеди прижал «эксплорер» к обочине. Улица еще оставалась пустой в ранний час, но ему нужно было добраться до салфеток в бардачке и попытаться сделать что-то с расплескавшимся кофе.

– Не могу. Сегодня не могу. У меня завтрак с руководителем моей предвыборной кампании и несколькими ключевыми сторонниками. Потом нужно выступать в «Ротари-клуб». А потом еще и встреча с акционерами.

– А зачем тебе избираться мэром?

Кеннеди задумался. Не пора ли рассказать сыну о дедушке Арчере? Разговаривать на эту тему легче по телефону. Только вот справится ли Тедди в одиночку с такой новостью? Учитывая, что недавно мальчик потерял мать...

– Твой дедушка уходит в отставку, и пост освобождается впервые за последние тридцать лет. Я планировал это очень-очень давно, еще когда был ребенком.

– А когда заканчивается эта твоя кампания? – спросил Тедди.

– В ноябре. И тогда, как бы все ни закончилось, жизнь станет легче.

– В ноябре? – простонал Тедди. – Я уже в школу пойду.

– Знаю. Год выдался тяжелый. Тяжелый, но не тяжелее предыдущего.

Заставив себя не вспоминать те первые, самые трудные месяцы без Рэйлин, Кеннеди еще раз мысленно прошелся по расписанию и решил, что встречу с Баззом и ребятами в

пиццерии можно отменить. Да, он с удовольствием посидел бы с парнями, которых знал еще со школы, но в данном случае на первое место выходили потребности Тедди.

— А что, если я заеду за вами в четыре, а потом мы поедем мороженого? — Он уже рассчитал, что мог бы на обратном пути заглянуть в пиццерию и поздороваться с парнями.

— А в шесть заехать можешь? Кеннеди вытер наконец кофе с брюк.

— В шесть? Но я же всегда забираю вас в шесть.

— Знаю, но бабушка сказала, что в четыре отведет нас поплавать.

— Значит, кое-что интересное вы все-таки спланировали.

— Но только после четырех!

— Перестань, Тедди! Пауза затянулась.

— А за город на выходные поедем?

— Может быть.

— Пообещай, что поедем. Пожалуйста!

— Пообещаю, если ты не будешь сегодня спорить с бабушкой.

Ответом на эту просьбу был драматический вздох.

— Ладно.

— Что делает Хит?

— Смотрит телевизор. Больше здесь делать нечего. Бабушка боится, что мы испачкаем ее ковер.

— Мне казалось, вам понравилось стричь газон и...

— Ой, бабушка идет, — быстро сказал Тедди и повесил

трубку.

Кеннеди знал, что Камилла восприняла бы желание Тедди сбежать из ее дома как личное оскорбление. Она старалась во всем угодить обоим внукам, но справляться с ними становилось все труднее, и она уже не выдерживала пять дней в неделю. Но и без них Камилла не могла – присутствие мальчиков позволяло отвлечься от тяжелых мыслей, не думать о поставленном мужу диагнозе. Она не раз пыталась убедить сына, что мальчики счастливы с ней.

Ой, бабушка идет...

Похоже, Тедди постигал искусство избегать конфликтов.

Кеннеди усмехнулся и положил телефон на дополнительную чашкодержательницу. Да, с Тедди приходилось нелегко, но, будь Камилла помоложе, поняла бы, что все дело в его мальчишеской неумности, непоседливости.

– Переживет еще денек, – сказал себе Кеннеди.

Камилла и Тедди, может быть, не сходились характерами, но она любила мальчиков так же сильно, как любила его. И никто, даже Тедди, не ставил этот факт под сомнение.

Он посмотрел на часы на приборной панели. Пора ехать. Дел сегодня много. А из-за промелькнувшей в окне женщины придется возвращаться домой и переодеваться.

* * *

– Могла бы позвонить и хотя бы сказать, что ты уже в го-

роде.

Не поднимаясь с колен, Грейс обернулась и увидела свою мать. Примерно раз в год Айрин навещала ее в Джексоне, но в Стиллуотере они встретились впервые с того времени, как Грейс закончила школу.

Она прочистила горло и неуклюже поднялась. Запланированные первоначально два часа растянулись на все утро. В какой-то момент работа в саду оттеснила все прочее, став миссией дня. Одежда липла к телу, мышцы ныли с непривычки, но Грейс находила странное удовлетворение в спасении растений от наступающих сорняков, захвативших инициативу за последние недели небрежения.

Перчатки перепачкались, и Грейс вытерла пот запястьем.

– Извини, – сказала она, пытаясь улыбнуться. – Собираюсь, но... заработалась.

Айрин кивнула в сторону сада:

– А сорняки, конечно, подождать не могли?

Она явно чувствовала себя оскорбленной ее невниманием. Грейс перевела дух и, пройдя через лужайку, обняла мать. Она восхищалась матерью и скучала по ней, но всегда подсознательно оттягивала момент встречи – уж слишком много самых противоречивых эмоций пробуждала Айрин.

– Они мне мешают. Цепляют глаз. Ивонне бы точно такой беспорядок не понравился. Вот я и подумала, – Грейс отступила и, стащив с головы шляпу с обвислыми полями, посмотрела на небо, – что поработаю сегодня подольше, по-

ка дождь не пошел.

Скорее всего, такое объяснение не убедило Айрин, но Грейс сомневалась, что мать станет требовать другого. За прошедшие годы они выработали некую модель поведения, к которой прибегали в напряженных ситуациях. Суть ее была проста: чем спорить из-за чего-то, лучше сделать вид, что предмета спора не существует.

– Хорошо выглядишь, – ничуть не погрешив против правды, сказала Грейс.

– Чересчур располнела, – возразила Айрин, хотя лишнего веса в ней набралось бы не больше десяти – пятнадцати фунтов. Да и сам тот факт, что она приделась даже по такому незначительному поводу, как встреча с дочерью, уже служил убедительным доказательством ее тщеславия.

– Нет, нет, как раз то, что надо.

Комплимент пришелся кстати, мать оживилась, и Грейс улыбнулась еще шире и непринужденнее. Хотя Айрин исполнилось пятьдесят два, лицо у нее было такой же овальной формы, как и у старшей дочери, и глаза такие же голубые. Волосы Грейс обычно собирала в узел на затылке, а макияжем пользовалась по минимуму. Айрин же обильно накладывала тушь, не стеснялась красить губы темно-красной помадой и укладывала волосы, подражая Лоретте Линн.

– Молли сказала, ты с кем-то встречаешься, – заметила Грейс, которой не терпелось получить подтверждение или опровержение правоты сестры.

Айрин небрежно махнула рукой:

– Не совсем. А вот она снова встречается с тем парнем, которого привозила на Рождество.

– Они с Бо всего лишь друзья, и тебе это прекрасно известно. А вот твоя попытка сменить тему подсказывает мне, что ты что-то скрываешь.

– Да с кем мне встречаться? Я здесь никогда никому не нравилась, – усмехнулась Айрин.

Возможно, сейчас это заявление и не соответствовало действительности, но прошлое оно отражало верно. Когда мать двадцать два года назад вышла за преподобного Баркера и переехала из соседнего городка Буневилля с троими детьми, Грейс было всего лишь девять лет. Возраст вполне достаточный, чтобы понять: то, что говорят о ее матери, лестью не назовешь.

Вы только на нее посмотрите – расхаживает тут, здоров нос кверху. Я такой выскочки еще не видела. Да у нас в Стилуотере нашлось бы с десятков дам куда как более достойных, чтобы стать женой преподобному. Да эта Айрин на все десять, если не пятнадцать лет моложе преподобного. Нацелилась на его деньги, только они ей и нужны.

Жил Баркер скромно, владел только лишь фермой, но и это было больше того, что имели в Буневилле Айрин и трое ее детей. И этого было достаточно, чтобы вызвать у обитателей Стилуотера негодование и возмущение. Они были чужаками, и обращались с ними так, словно их мать присвоила

что-то, на что не имела права.

Сыграло свою роль и то, что преподобный не стеснялся при каждом удобном случае отзываться о своей супруге в уничижительном тоне, причем даже с кафедры. И если поначалу Айрин еще вспыхивала от волнения в обществе мужа, то через некоторое время, узнав его получше, прониклась совсем другими чувствами.

Грейс всегда удивлялась тому, что город души не чаял в Баркере, что человек столь дурной и злобный смог убедить большинство в том, что он святой.

Мозолистая рука сжала ее запястье, глухой голос прохрипел в ухо: «Молчи». Она пискнула, и человек, которого она называла папой, надавил сильнее, предупреждая о последствиях, которые ждут ее в случае неповиновения. Мэдлин, его дочь, спала на кровати в той же комнате, но Грейс, боясь его мести, не смела разбудить сводную сестру...

– Что с тобой? – Мать с тревогой посмотрела на нее.

Воспоминание свернулось и спряталось. Она обхватила себя за плечи – прошлое как будто дохнуло холодом – и попыталась улыбнуться:

– Ничего.

– Точно?

– Конечно, – уверила ее Грейс, но мир и покой уже улету-чилились. Она словно шагнула из-под солнца в мрачный, стылый подвал. Образы и ощущения, все то, чего она так старательно избегала, что удерживала, чему противилась, нахлы-

нули с новой силой. – Здесь... здесь слишком жарко. Пойдем посидим на веранде.

– Никак не могу поверить, что ты вернулась. Через тринадцать лет... – пробормотала, следуя за ней, мать.

Ответ сорвался с губ, прежде чем она успела взять себя в руки:

– А я не могу поверить, что ты так и не уехала.

– Я и не могла уехать, – возразила Айрин. – Неужели ты думаешь, что бросила бы Клэя?

– Как это сделала я?

Мать удивленно взглянула на нее:

– Нет. Я... я вовсе не это имела в виду.

Грейс опустила голову на подвесную скамеечку. Потерла лоб. Конечно. Никто из тех, кто знал правду, ни разу ни в чем ее не обвинил. Не зная, что сказать или сделать, они просто жалели ее. Жалели, но не винили. Это она винила себя.

– Извини. – Усилием воли Грейс попыталась успокоить заколотившееся вдруг сердце, умерить пульс. – Мне трудно приезжать сюда.

Мать села рядышком и взяла ее за руку. Она ничего не говорила и только покачивалась взад-вперед.

Странно, но напряжение ослабло. Жаль, что тогда, восемнадцать лет назад, Айрин не смогла, не нашла в себе сил поступить вот так же. Поддержать. Успокоить...

– А здесь мило, да? – заметила наконец Айрин.

– Мне нравится.

– Ты надолго?

– На три месяца. Если получится.

– На три месяца? Это хорошо. – Мать разжала пальцы и поднялась. – Я люблю тебя. Наверно, мне следовало бы почаще говорить тебе это, а я... подвела тебя. Но я тебя люблю.

Что ответить? Грейс не знала. И потому задала давно мучивший ее вопрос:

– Если не обращать внимания на что-то ужасное, отвратительное, значит ли это, что оно исчезает, перестает существовать?

С минуту мать молча смотрела на нее потемневшими вдруг от боли глазами.

– А разве оно уйдет, если поступать иначе? Я делала то, что должно. Надеюсь, когда-нибудь ты простишь меня за это. – Она помахала рукой, пересекла веранду и спустилась по ступенькам. – У меня назначена встреча. Позвони попозже, если... если захочешь повидаться.

– Позвоню, – глядя ей вслед, пообещала Грейс.

* * *

Сумрачный, прохладный зал пиццерии принес наконец приятное и долгожданное отдохновение от изнуряющей жары. Грейс только что приняла душ, но одежда уже липла к телу. Воздух на протяжении дня пропитывался влагой, тяжелел, но дождь так и не собрался, грозя зарядить на всю ночь

мелкой, противной моросью.

— Ваша пицца. — Девочка-подросток остановилась у столика с небольшим подносом. Освобождая место для заказанного блюда, Грейс сдвинула к краю тарелки салат, и в этот момент двери распахнулись перед небольшой группой новых посетителей.

— Спасибо, — сказала Грейс и тут же отвернулась, чтобы не встречаться ни с кем глазами — ни привлекать к себе внимание, ни ввязываться в разговор не было ни малейшего желания. Сюда она пришла только затем, чтобы пообедать да укрыться от изнуряющей духоты.

Но не прошло и трех минут, как реплики, долетевшие со стороны расположившихся неподалеку мужчин, подтвердили — ее заметили, о ней говорят.

— Говорю тебе, Тим, это она.

— Зубрилка Грейси? Нет...

— Точно! Мне Рекс Питерс сказал, что она возвращается в город.

— А зачем? — подал голос кто-то еще. — Говорят, она стала где-то помощницей окружного прокурора. Про нее даже в газете писали.

Ответ Грейс не расслышала и, заблокировав внешние сигналы, сосредоточилась на еде. Но уже через минуту кто-то присвистнул и довольно громко выразил мнение, что выглядит она очень даже ничего. Грейс невольно обернулась.

Один из посетителей стоял перед стойкой и, повернув-

шись спиной к залу, делал заказ, но остальные четверо сидели за столиком. Крепкие, загорелые, определенно качки – те самые, что в далекие годы сводили с ума девчонок-старшекласниц. В свое время она тоже смотрела на них восторженными глазами. Но теперь Грейс была совсем другим человеком, и желание оставаться здесь внезапно пропало.

– Может, мы не узнаем ее в одежде, – сказал Джо Винчелли.

Сопровождавший эти слова многозначительный смешок помог Грейс вспомнить полузабытое имя. Любимый племянник преподобного. Это он придумал уничижительное прозвище, появившееся потом на дверце ее шкафчика и эхом следовавшее за ней по школьным коридорам.

– Потихе, еще услышит, – проворчал кто-то. Уж не Базз ли Харт? Грейс не могла сказать точно. Из присутствующих он изменился больше всего, лишившись едва ли не половины былой пышной шевелюры.

Голоса стихли, но приглушенный гогот все же долетал до нее. Грейс почувствовала, как полыхнули жаром щеки и уши. Заколотилось сердце. Она опустила голову, упершись взглядом в тарелку. Лет четырнадцать – пятнадцать назад она, как тогда говорили, крутила любовь по меньшей мере с тремя из этой компании. В укромном уголке или на заднем сиденье машины. Очевидно, те «свидания» запомнились им куда лучше, чем ей самой. И как только она могла позволить кому-то, тем более парням, с которыми вместе ходила в шко-

лу, пользоваться ею так бесстыже, так дико. Теперь Грейс этого не понимала.

Разве что искала что-то такое, чего не могла найти.

Чувствуя неприятную слабость в ногах, она вытерла пот с верхней губы. Как бы выскользнуть отсюда, не проходя мимо их столика?

И снова голос Джо. Голос, перекрывший все остальные. Голос, будто вернувший ее в то давнее прошлое.

– А ее ведь и просить не приходилось, а? Только пальцем помани – и готова, сама раздвигала ножки. Я сам однажды отымел ее на задней трибуне, когда предки сидели не дальше чем в десяти футах.

Компания расхохоталась. Грудь сдавило так, что стало не продохнуть. С Джо у нее было не так, как с остальными. Она не просто хотела нравиться ему. Она чувствовала себя обязанной дать ему какую-то компенсацию за потерю дяди.

– Помню, как-то спросила, нельзя ли ей побыть моей девушкой пару недель, – подхватил Тим. Говорил он потише, чем Джо, но достаточно громко, чтобы Грейс слышала каждое слово. – Я пообещал, оттрахал, а потом сразу дал отставку. – Он коротко, словно сам себе не веря, хохотнул. – И такая дура, подумать только, поступила в Джорджтаун.

Кто-то – Базз? – должно быть, ткнул его кулаком, потому что он застонал.

– Дура? Перестань. Уж дурой она точно не была. Она была... – Базз понизил голос, но Грейс все расслышала, – ка-

кая-то пришибленная... в том доме творилось что-то неладное...

– Ничего там такого не творилось, – обиженно сказал Джо, – пока они не убили моего дядю.

– Ты же не знаешь, что с ним случилось, – возразил Тим. Джо попытался спорить, но Тим поднял руку. – И поверь мне, они с самого начала были чокнутые.

– Это из-за их сучки мамыши, – проворчал Джо.

Голоса упали до шепота, но Грейс уже не прислушивалась – она изо всех сил старалась сохранить самообладание.

Жаль только, что желудок оказался плохим помощником. В памяти всплыли яркие, со всеми омерзительными деталями, картины тех суматошных встреч, и живот как будто стянуло тугими канатами.

Сколько раз она пыталась объяснить себе те ошибки, забыть, выбросить из памяти навсегда. Не получалось.

– Иди, Джо, поздоровайся с ней, – сказал Тим. – Может, уделаешь ее прямо здесь. А если хорошо постараться, то, может, узнаешь, что случилось с твоим дядей.

Джо прошипел что-то в ответ, и в этот момент к столику вернулся мужчина, делавший заказ.

– О чем треп, парни? – спросил он.

Лица его Грейс не видела, но в этом не было никакой необходимости. Кеннеди Арчер. Самый симпатичный из всех. Самый накачанный. Предмет всеобщего восхищения и обожания. Она узнала его мгновенно и все равно не удержалась

и оглянулась.

Вот кто совсем не располнел. И не облысел, как некоторые из его дружков. Высокий, широкоплечий, с русыми волосами и ямочками на щеках улыбчивого лица. Судя по развешанным по всему городку плакатам, Кеннеди Арчер выдвигался на должность мэра, рассчитывая сесть в кресло, которое на протяжении многих лет занимал его отец.

Глаза их встретились, и на его лице проступило удивление – узнал. Узнал и безотчетным жестом подтянул ослабленный галстук.

Грейс сразу же отвернулась. Четыре часа – тихий час для ресторанного бизнеса. Неужели они, Кеннеди Арчер и его компания, случайно оказались здесь одновременно с ней, как бывало в те времена, когда она шестнадцатилетней девчонкой сама работала за стойкой?

Она помнила, как не сводила с них глаз, стараясь предугадать каждое их желание, как лезла вон из кожи, пытаясь быть «клевой», веселой, интересной, как кусала губы, сдерживая рвущиеся наружу эмоции. Она никак не ожидала, что столкнется сразу со всеми, и не подготовилась к тем чувствам, что всколыхнула эта встреча. Они как будто запихнули ее в шкуру одинокой, обделенной вниманием девчонки, которой она была когда-то.

Как же она допустила такое? Почему не предусмотрела такой вариант?

Потому что слишком сосредоточилась на том, что важно

ей нынешней, взрослой. Потому что думала только о Клэе и Айрин, а еще о Мэдлин, своей сводной сестре, которой так и не позвонила. Школа представлялась другой жизнью, неким мрачным временем, когда она ненавидела себя неизмеримо больше, чем кого-либо еще.

Грейс вдруг поняла, что не может больше оставаться здесь. Во рту уже ощущался кисловатый привкус желчи. Еще немного...

Она поднялась, изо всех сил стараясь не уронить остатки достоинства, торопливо прошла через зал и проскользнула в дамскую комнату.

Закрыв за собой дверь и тем самым отрезав себя от провожавших ее любопытных взглядов, Грейс метнулась в кабинку и упала на колени перед унитазом, куда в следующее мгновение выплеснулось все, что она успела съесть.

Глава 3

Она не возвращалась. Парни, позабыв через какое-то время Зубрилку Грейси, заговорили о выборах, цене на хлопок для местных фермеров, августовской рыбалке. Но Кеннеди несколько раз ловил себя на том, что поглядывает в сторону столика, за которым сидела Грейс Монтгомери. Салат она съела, а вот пицца осталась нетронутой и с каждой минутой остывала.

В порядке ли она? Он повернулся и посмотрел в полутемный коридор, но никого там не увидел. Сколько же надо времени, чтобы сходить в туалет?

– Кеннеди, старина, да что с тобой? – спросил, толкнув его в бок, Джо. – Или мы уже неподходящая компания для будущего мэра?

– Вы, придурки, всегда были для меня неподходящей компанией, – отшутился Кеннеди, поворачиваясь к столу. Но уже через минуту, отпустив пару реплик по поводу рыбалки, он снова потерял интерес к разговору. Когда же она появится? Его приятели проводили ее свистом и дурацкими комментариями, свидетельствовавшими лишь о том, что тестостерона у них больше, чем мозгов. Он хотел сказать ей что-нибудь приятное, показать, что все это в прошлом, дать понять, что она среди своих. Если получится...

Прошло еще минут десять. Им принесли пиццу. Грейс не

возвращалась.

Кеннеди снова выглянул в коридор. Никого.

– Что ты сегодня такой озабоченный? – спросил Базз. – Проблемы?

– Нет, все в порядке, – ответил он, думая о женщине, которую видел в окне утром.

Конечно, это была Грейс. Наверно, остановилась в доме Ивонны. Двух женщин с такой фигурой быть не могло. Только зачем снимать дом, когда здесь живут близкие – мать, брат, сводная сестра, – и у каждого, несомненно, нашлась бы свободная комната? Что же это за семья такая?

Выпили еще пива – Грейс не появилась.

– Где же она? – спросил он Базза.

– Ты о ком? – вмешался Тим.

– Не важно, – проворчал Кеннеди.

– Похоже, Зубрилка Грейси оставила свою пиццу нам, – усмехнулся Ронни. – А что, если я возьму кусочек? Вернется, а половины нет. Вы как, парни?

– Давай, – кивнул Джо.

Ронни со скрипом отодвинул стул и поднялся, но Кеннеди схватил его за руку:

– Сядь.

– Да перестань, это же только шутка.

– Хватит с нее шуток. Сам знаешь, ей и в детстве досталось. Оставь ее в покое, ладно?

Джо вскинул бровь.

– Вот уж не думал, что ты запал на Зубрилку Грейси. Насколько я помню, ты ее своим десяти футовым промерить не успел, а? Ну конечно, ты же Арчер.

– У меня была Рэйлин, – спокойно ответил Кеннеди.

– И то верно, подружка у него уже тогда была, – добавил Базз.

– У меня тоже, – беззаботно хохотнул Джо. – И Зубрилка Грейси нисколько этому не мешала. Я же на нее не западал. Она мне даже не нравилась.

Всех этих ребят Кеннеди знал еще со школы, но временами они действовали на нервы. Особенно Джо, у которого в подобных ситуациях проявлялись самые худшие черты. И если бы когда-то, когда ему было двенадцать, Джо не сделал для него кое-что, они вряд ли стали бы друзьями.

– Не хочу об этом слышать.

Проступившее в его словах раздражение заставило всех посмотреть на него. Кто-то пробормотал, что, мол, виноваты во всем выборы – такое напряжение бесследно не проходит. Но уже через пару минут разговор возобновился, только теперь речь зашла о «ягуарах» и о том, какого футбольного сезона стоит ждать.

Послушав еще немного, Кеннеди понял, что не может больше ждать и тревожиться. Негромко выругавшись, он поднялся из-за стола и направился к дамской комнате.

– Грейс? – Он постучал в дверь. – Вы там в порядке?

Никто не ответил. За дверью было тихо, только чуть

слышно шумел вентилятор.

– Грейс? Если не ответите, я войду.

Ничего.

Он приоткрыл дверь и еще успел заметить какое-то движение, но в следующее мгновение она захлопнула дверь и навалилась на нее всем телом.

– Я... у меня все хорошо. – Она произнесла это сбивчиво, с натугой, как будто через силу.

Судя по тому, что он увидел в зеркале – необычайно бледное лицо и широко раскрытые глаза, – Грейс явно была не в лучшем состоянии. Ее стошнило. Он понял это по запаху.

– Вас отвезти домой?

Ответа не последовало, но дверь не открылась, а применять силу ему не хотелось.

– Если хотите, подброшу прямо сейчас.

– Нет... не надо. Вы... возвращайтесь к своим друзьям. С ними так... весело. Идите, а то пропустите самое интересное.

Черт. Значит, она все слышала. Он снова толкнул дверь – безуспешно.

– Послушайте, вы же их знаете. Ребята ведут себя иногда как полные идиоты. Я и сам удивляюсь, повзрослеют они когда-нибудь или нет? Не обращайтесь к своим друзьям. Они же просто треплются, вот и вылетает всякое.

Легкий шорох ткани... Похоже, она соскользнула на пол.

– Грейс?

– Оставьте меня в покое. – Голос прозвучал резче, и, как показалось, источник звука сместился ниже. Так и есть, сидит на полу. – Я не из числа ваших поклонниц, так что сделайте одолжение, уйдите.

Уйдите. Кеннеди вздохнул и сделал шаг назад, но уйти не смог. Да, похоже, они крепко ее зацепили. Он прошелся по коридору взад-вперед. Потом понял, что друзья за столиком все еще ждут, чем это закончится, и решил вернуться, чтобы отвлечь внимание от Грейс.

– Ну что, получилось? – спросил Джо, и все рассмеялись.

– Он бы тогда улыбался, – добавил Тим.

Кеннеди нахмурился.

– Знаете, парни, вы бываете порой настоящими придурками.

Склонившись над раковиной, Грейс вытерла влажным бумажным полотенцем лоб. Сейчас ей нужно было набраться сил, чтобы выйти из пиццерии. Она медлила, надеясь, что Кеннеди и его дружки уйдут первыми, и говоря себе, что встретится с ними позже, когда подготовится лучше.

Дыши глубже. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Все будет хорошо. Бывало и хуже, но ведь жива. Просто все случилось так неожиданно, ее словно отбросило в прошлое.

Забудь о них. Они тебе не нужны. Ты никогда...

В коридоре послышался детский голос, и Грейс решила, что пора выходить. Приближалось время обеда, а значит, в

пиццерии должно быть уже много посетителей. Даже если Кеннеди Арчер и его дружки еще не ушли, есть шанс проскользнуть незамеченной. А если они и увидят ее – наплевать. Первоначальный шок прошел. Что еще они могут сделать?

Она сполоснула лицо холодной водой, вытерлась насухо и решительно промаршировала в зал. На столике, за которым сидела компания, еще стояли тарелки и пивные кружки, но ее обидчиков уже не было.

Грейс облегченно выдохнула и, не обращая внимания на свою остывшую пиццу, торопливо прошла к выходу. Доставая на ходу из сумочки ключи, она повторяла себе, что через несколько минут будет уже в доме Ивонны, но, когда подняла голову, обнаружила, что Кеннеди Арчер еще не уехал. Он стоял, прислонившись к бамперу «эксплорера», припаркованного рядом с ее бимером, и, похоже, кого-то ждал. Только бы не ее.

И все же она на секунду растерялась и сбилась с шагу. Так или иначе, чтобы попасть в машину, придется пройти мимо него. Что ж, пусть так. Но она уже не позволит ни ему самому, ни его приятелям оскорблять ее и унижать. Грейс решительно ускорила шаг.

Когда она сошла с тротуара, Кеннеди отступил от «форда» и даже вроде бы двинулся наперехват, но Грейс без труда с ним разминулась.

– Извините, – холодно, словно обращаясь к незнакомцу,

бросила она, отпирая замок.

Грейс швырнула сумочку на сиденье и вдохнула привычный запах кожи, но, потянув дверцу, обнаружила, что та не закрывается. Точнее, ей не дает закрыться Арчер.

Она посмотрела ему в глаза со всем презрением, какое только испытывала к испорченным, себялюбивым, бесчувственным мужчинам Стилиутера.

– Я что-то могу для вас сделать?

Ее глаза сказали ему все. Он резко, словно получил пощечину, отступил, но не отпустил дверцу.

– Я только хотел сказать...

– Не трудитесь.

– Но...

– Я знаю вас, не забыли? Не сомневаюсь, вы и ваши друзья можете припомнить многое, что связано со мной. Вы не лучшего обо мне мнения, и я вас не виню. Но и мне многое известно о вас, и то, что мне известно, говорит не в вашу пользу. Так что не пытайтесь показать себя хорошим мальчиком перед той, которая не смогла разглядеть трусливое сердце за фальшивой улыбкой.

Поставив точку, она демонстративно посмотрела на руку, все еще державшую ее дверь, и он наконец отступил.

Бимер выехал со стоянки. Кеннеди проводил машину долгим взглядом. Очевидно, девиз «Я готова на все, чтобы только вам понравиться» уже не подходил теперешней Грейс. Хо-

телось бы верить, что она спутала его с Тимом или Джо, но он знал – нет, не спутала.

Уже сев за руль, Кеннеди вспомнил, как Джо однажды похвастал перед товарищами по футбольной команде, что может получить Грейс когда и где пожелает. В доказательство он убедил ее встретиться с ним в раздевалке после следующей игры.

Кеннеди не остался тогда в раздевалке и свидетелем «шоу» не стал, но с интересом слушал потом рассказы других. И не просто слушал, но и смеялся вместе со всеми, когда Джо объяснил, что решающим аргументом стало обещание взять ее на студенческий бал.

– Я ее и пальцем не тронул, – вслух произнес Кеннеди, словно желая убедить себя, что его совесть чиста. Но совесть не успокаивалась. Да, сам он, может быть, остался чистеньким, но при этом пальцем о палец не ударил, чтобы остановить других, когда в его присутствии трепали ее имя, разве не так? При нем Грейс поливали грязью, при нем ей в еду подложили ухвертку. И он молчал, делал вид, что ничего не замечает, предпочитал оставаться в стороне. А если и вмешивался, то только когда рядом была Рэйлин.

Рэйлин... Господи, как ему не хватало ее. Другой такой женщины, милой, славной, идеальной во всех отношениях, он больше не встречал. Сколько раз она просила его повлиять на ребят, убедить их оставить бедную девушку в покое. Если он и заступался за Грейс, то только ради нее. Ради Рэй-

лин. С другой стороны, его собственная мать отзывалась о Монтгомери так, словно все они не имели права дышать одним воздухом с приличными людьми. И конечно, он брал пример с нее.

Почувствовав во рту горький вкус раскаяния, Кеннеди захлопнул дверцу и повернул ключ. Да, временами ему бывало жалко Грейс, но чаще он просто делал вид, что не замечает ее, что ее просто не существует. Когда она смотрела на него долгим, восхищенным взглядом, ему становилось не по себе. Да, тогда он был молод и незрел и не понимал, что обязан помочь ей. Или, может быть, считал, что это все его не касается. Никому не было дела до Грейс. Никому, кроме ее семьи. Когда Молли, которая уже была тогда в старшем классе, зашла однажды в женский душ и застала сестру с Тимом, она вернулась домой и рассказала об этом старшему брату. На следующий день Клэй пришел в школу и разбил Тиму нос.

В конце концов именно вмешательство Клэя отпугнуло от Грейс парней, пользовавшихся ее доступностью. Но грязь осталась. Грейс обзывали, над ней издевались.

Зазвонил сотовый. Кеннеди взглянул на дисплей и удивился, увидев домашний номер матери. Но ведь Камилла собиралась повести мальчиков в бассейн? Разве они уже вернулись?

Он нажал кнопку:

– Да?

– Ты слышал?

– Слышал что?

– Грейс Монтгомери снова в городе.

Да уж. Перед глазами встала женщина, только что заявившая, что у него трусливое сердце и фальшивая улыбка. В школе она была симпатичной девушкой. И изгоем она стала не из-за внешности, а из-за своей неразборчивости. Теперь Грейс расцвела. Раньше ее портили слишком густые брови – теперь они были тонкие, выгнутые изящной дужкой. А еще она поправила зубы. Та же, оливкового цвета, кожа. Те же холодные голубые глаза, густые черные волосы – поразительный, впечатляющий контраст. Но что всегда выделяло Грейс, так это высокие скулы и решительный подбородок, придававший юному лицу слишком жесткое для юной девушки выражение. И конечно, потрясающая фигура. Женственность, сексуальность проступили в ней раньше, чем у других, что тоже не могло не притягивать парней.

– Кеннеди. – Голос матери вернул его в настоящее.

– Я знаю, что она вернулась.

– Кто тебе сказал?

– Встретил ее в пиццерии.

– Говорят, она разъезжает на БМВ. Это правда?

Он знал, что успокоил бы мать, сказав, что у Грейс другая, не столь дорогая машина, но соврать не смог.

– Правда.

– И как, по-твоему, она ее заполучила?

Неужели это так важно? Почему у Грейс не может быть

хорошей машины?

– Понятия не имею.

– Вот и я не понимаю. Окружной прокурор получает не так уж много. Тем более помощник окружного прокурора. Разве что вышла замуж ради денег, как ее мать, а теперь вернулась, потому что муж тоже пропал без вести.

– Не говори глупости, мама, – раздраженно ответил Кеннеди. – Преподобный точно не был миллионером. И если Айрин Монтгомери вышла за него по расчету, то многого она не получила.

– Но ферму-то получила, так? И Клэй до сих пор там живет.

Кеннеди уже видел, куда ведет разговор, и потому сменил тему:

– А почему вы не в бассейне?

– Они закрылись в пять. На уборку.

– Получается, мальчики только час поплавали?

– Этого разве недостаточно?

То-то, наверно, Тедди расстроился: ждать целый день и получить только час на купание.

– Я уже еду, мам. Буду с минуты на минуту.

– Останешься на обед?

– Нет, хочу поскорее попасть домой. – В последнее время он справлялся все лучше и лучше, приспособившись к отсутствию Рэйлин. Да и голова была занята другим: болезнью отца, предвыборной кампанией. И все же сегодня пусто-

та, оставшаяся в душе после смерти жены, ощущалась как-то особенно остро.

– Я уже приготовила стейки и фасоль с кукурузой, – вздохнула Камилла.

Он понимал, что ей нравится заботиться о нем, хочется чувствовать себя нужной ему и детям, занимать в их жизни важное место. Такое внимание к единственному сыну часто сочетается желанием держать его под рукой. Иногда это раздражало. Но сейчас, когда заболел отец, ей требовалась дополнительная поддержка, а потому и сохранять нормальную дистанцию становилось все труднее.

– Спасибо, но у нас и дома продуктов хватает.

Она недовольно фыркнула.

– Зачем ехать куда-то, если я уже приготовила обед?

– Как папа? – спросил он, оставив последнюю реплику без ответа.

– Неплохо. Он справится. Мы оба это знаем.

«Вот бы и мне такую уверенность», – подумал Кеннеди. Может быть, если бы Рэйлин была жива, он тоже верил бы в выздоровление. Но удача, столь часто сопутствовавшая ему в молодости, похоже, все-таки отвернулась.

Дважды набрав номер и дважды же дав отбой, Грейс решительно сжала сотовый. Она должна позвонить Мэдлин. Как-никак два с половиной дня в городе. С Айрин и Клэем повидалась, даже кое-кого из школьных знакомых встрети-

ла. Оттягивать дальше разговор со сводной сестрой просто нельзя. Да и не хотела она его откладывать. Она любила Мэдлин, но не могла отделаться от ощущения, что поступает лицемерно, что лишь притворяется доброй подругой, умалчивая о том, что знает, скрывая тайну, касающуюся ее отца.

– Алло?

– Мэдди?

– Да?

Переодевшись в свежие шорты и топ, Грейс устроилась со стаканом ледяного чая в натянутом между двумя дубами гамаке. Вообще-то она планировала поработать несколько часов в кухне, но планы спутал великолепный закат. Она уже забыла, когда в последний раз любовалась таким чудесным зрелищем.

Теперь, проведя в приятном блаженстве последние пять минут, Грейс могла бы, наверно, согласиться с теми, кто утверждает, что истинная радость кроется в простых вещах.

– Это Грейс.

– Грейс! Ты почему не позвонила раньше?

– Была занята. Устраивалась на новом месте. Но не беспокойся, я собираюсь пробыть здесь по меньшей мере несколько недель.

– Недель? Не шутишь?

– Нет.

– Вот чудесно! А я заезжала за тобой сегодня, но никого не застала.

Вспоминать о неудачном походе в пиццерию не хотелось.

— Ездила за продуктами. — Грейс отпила холодного, со льдом, чаю. В «Пиггли-Уиггли» она как сумасшедшая промчалась по залу и, схватив самое необходимое, поспешила уйти, чтобы не нарваться на кого-нибудь еще. — Как дела в газете?

Мэдлин работала редактором в местной «Стилуотер ин-депендент» с тех самых пор, как закончила отделение журналистики Университета Миссисипи. Год назад она фактически купила газету после того, как ее прежний владелец ушел на покой. Десять тысяч долларов Мэдлин отдала сразу, договорившись внести оставшуюся сумму в течение последующих пяти лет равными месячными платежами. Теперь она была и владельцем издания, и редактором и при этом несла на себе все расходы. Грейс частенько задавалась вопросом: где могла бы оказаться Мэдлин, если бы не исчезновение ее отца? В «Нью-Йорк таймс»? В «Вашингтон пост»?

Еще учась в школе, Мэдлин говорила, что хотела бы работать в большой, престижной газете. В своем нынешнем положении она не могла позволить себе уехать из Стилуотера на более или менее продолжительный срок. Грейс подозревала, что сводная сестра боится не оказаться дома, если вдруг ее отец однажды вернется. Или что кто-то еще из близких и любимых выпадет из ее жизни, если она даже ненадолго уйдет с вахты и оставит их без присмотра. В некотором отношении Мэдлин была ближе к Айрин, Клэю и даже Молли, чем сама

Грейс.

На каждого из них прошлое повлияло по-своему, на каждого наложило особый отпечаток. Грейс, больше всего на свете боявшаяся оказаться уязвимой, отгораживалась от людей. Мэдлин же, страшась потерять любимых, пыталась обнести их надежной стеной.

– Все хорошо. Тираж понемногу подрастает, особенно после того, как я открыла новый раздел, «Для одиноких».

– Это какая-то тематическая рубрика?

– Еженедельная страница. Рассказ об одной женщине и одном мужчине.

– Интересно.

– Очень. Помогает людям лучше узнать друг друга. У тебя какие планы на вечер?

Грейс невольно улыбнулась, вспомнив про записку, которую нашла на входной двери. «Вы уже приготовили мне печенье? *Тедди*».

– Хочу заняться выпечкой.

– Серьезно?

Губы сами разошлись чуть ли не до ушей.

– Серьезно.

– Интересно. Помощь нужна?

Сердце заколотилось тяжело, и Грейс, прежде чем ответить, перевела дыхание.

– Конечно.

– Собиралась посмотреть видео с Кирком, но его-то я ви-

жу постоянно. Так что сегодня загляну к тебе.

– У вас по-серьезному?

– Вовсе нет.

– Ты такая же плохая, как я. Вы ведь встречаетесь уже три года.

Ответом на это тонкое наблюдение был тяжелый вздох.

– Знаю. В наших отношениях нет прогресса. Мы не расходимся, потому что дорожим дружбой, но и не любим друг друга настолько сильно, чтобы пожениться.

– Что ж, у Молли и Клэя в этом плане дела обстоят несколько не лучше.

– Клэй вполне мог бы жениться. Видит бог, желающих выйти за него хватает. Но его, кажется, не интересуют отношения, которые затягиваются больше чем на одну ночь. Несколько месяцев назад я проводила опрос для той самой рубрики, и Клэй попал сразу в два списка: «Самый желанный холостяк» и «Наименее перспективный для брака».

Грейс понимала, почему Клэй никак не может решиться на прочную, ко многому обязывающую привязанность. Разве можно впустить кого-то в дом и одновременно сохранить тайну? А если бы жена в какой-то момент решила переехать на новое место? Да половина горожан разнесла бы ферму на кусочки в поисках останков Ли Баркера.

– А Молли всего лишь двадцать девять, – продолжала Мэдлин. – Ничего особенно необычного.

– Двадцать девять вполне подходящий возраст, чтобы

выйти замуж, – сказала Грейс.

– Верно.

Разбирать собственную ситуацию – а разговор шел к этому – Грейс не хотела, а потому перескочила на другую тему:

– Ты не хочешь привести с собой Кирка?

– А это мысль, – отозвалась Мэдлин, никак не отреагировав на маневр сводной сестры. – Он только что звонил. Сказал, что хочет поговорить со мной о каком-то случае в таверне. – Она понизила голос. – Думаю, это как-то касается папы.

Грейс только что оттолкнулась от земли одной ногой и теперь замерла в гамаке.

– Каким образом?

– Не знаю. Кирк звонил с работы и объяснить ничего толком не успел – его куда-то позвали. Но звучит обещающе.

Только не это. Бедняжка Мэдлин.

– Мэдди, по-моему, тебе лучше отпустить прошлое. Нелзя все время думать только о... – Грейс хотела сказать «о преподобном», но, сделав над собой усилие, произнесла другое: – О папе.

Баркер сам велел приемным детям называть его папой и очень злился, когда они этого не делали, особенно в присутствии посторонних. После того как он исчез из их жизни, мать не стала ничего менять в установившейся практике – по той же самой причине, по которой им не позволялось убрать конторку в пристройке.

– Пока папа не встретил вашу маму, у него была только я,

а у меня только он.

Мать Мэдлин покончила с собой за три года до того, как преподобный женился на Айрин. Размышляя о причинах, заставивших несчастную женщину решиться на этот трагический шаг, Грейс неизменно приходила к одному и тому же выводу: вероятно, бедняжка поняла, какую личину прячет за маской набожности и благочестия ее муж. Тем не менее никто и никогда не упоминал о ней, и даже сама Мэдлин вела себя так, словно Элизы Баркер и не существовало вовсе. Грейс подозревала, что Мэдлин не простила мать.

– Я знаю, как много он значил для тебя, но...

– Мне нужна определенность, понимаешь? Если он умер, я смирюсь и приму это. По крайней мере буду знать, что он уже не вернется. Как и моя родная мать. Это уже кое-что.

– А что думает Кирк? Считает, что папа умер?

– Конечно. Только, в отличие от большинства местных, не винит в его смерти Айрин.

– Вот и хорошо. – Грейс натянуто улыбнулась. – Мне бы не понравилось, если бы кто-то из твоих друзей внушал тебе такие мысли.

– Я еще и потому ищу ответы, что хочу доказать всему городу очевидное: Айрин так же невиновна, как я или ты. Город несправедлив к вам всем – к тебе, Молли, Клэю.

После исчезновения преподобного у Мэдлин не осталось никого, кроме Айрин и ее детей. Наверно, она могла бы переехать к родственникам, но отношения с ними так и не сло-

жились. К тому же Мэдлин сразу встала на сторону приемной матери, и это моментально отделило ее от семьи Баркер.

Грейс приложила к щеке холодный стакан и закрыла глаза.

– Спасибо, Мэдди.

Ее сводная сестра промолчала, потом вздохнула.

– Мы будем через час, ладно?

– Мэдди? – Грейс отставила стакан и открыла глаза.

– Что?

– Где живет Кеннеди Арчер?

– В старом доме Баумгартера.

Старым домом Баумгартера называли восхитительный особняк в георгианском стиле, стоявший в двух милях южнее города. Дом считался одной из достопримечательностей Стиллуотера, а Лейси Баумгартер была в свое время едва ли не самой популярной девушкой в школе, и именно у нее часто устраивались шикарные вечеринки.

Только вот Грейс на них никогда не приглашали.

– Красивый дом, – нарочито небрежно сказала она.

– Ты бы видела, что с ним сделала Рэйлин. Когда Баумгартеры уехали, дом купили Грины. Потом они развелись. Дом достался Энн, и она пыталась содержать его в одиночку, но получалось у нее плохо. В конце концов Энн продала особняк Кеннеди и Рэйлин, и те привели его в порядок.

– Замечательно. – Грейс облегченно вздохнула. По пути домой от пиццерии она вдруг подумала, что если у Кеннеди черный внедорожник, то и за рулем «эксплорера», проехав-

шего утром мимо ее окна, мог быть он. Но если Кеннеди живет в доме Баумгартера, то, что ему делать рано утром, в половине седьмого, на Эппл-Блоссом? Нет, скорее всего, это был не он.

– А ты почему спрашиваешь? – поинтересовалась Мэдлин.

– Подумала, что он, может быть, живет в городе.

– Нет. Ты ведь слышала, что он баллотируется в мэры?

– Видела афиши.

Афиши и впрямь попадались чуть ли не на каждом шагу. Соперницей Арчера выступала член муниципального совета Нибли, и у Грейс сложилось впечатление, что она ведет свою кампанию весьма агрессивно.

– Моя газета его поддерживает. А ты будешь голосовать? Грейс оттолкнулась от земли, и гамак снова закачался.

– Я с удовольствием поддерживаю тебя и твою газету, но за Кеннеди голосовать не стану, даже если буду в городе во время выборов.

– Он тебе не нравится?

– Нет, не нравится, – ни секунды не колеблясь, ответила Грейс.

– Правда? А почему? Он милый. И мне так жаль его.

– Кеннеди Арчер представляет самую влиятельную семью в городе, он симпатичен, здоров и богат. За что же его жалеть? – сухо спросила Грейс.

– Знаешь, он тяжело переживал смерть Рэйлин. Никогда

не видела, чтобы мужчина так плакал на похоронах.

Грейс вспомнила, что мать упоминала о дорожной аварии, стоившей Рэйлин жизни.

– Да, печальная история, – согласилась она.

– Они были вместе еще со школы.

Грейс сама училась с ними в старших классах и ничего не забыла.

– Рэйлин была очень добрым человеком. Он ее не заслуживал.

Пару секунд Мэдлин ошеломленно молчала – наверно, не ожидала от Грейс такой реакции.

– У тебя против него что-то личное? – спросила она после паузы.

Кроме того, что он, в отличие от большинства своих приятелей, считал ее недостойной своего внимания? Грейс так и не решила, что хуже: когда тобой пользуются или когда тебя не замечают. Странно, но в школе высокомерное презрение Кеннеди уязвляло больше, чем жестокость Джо или Пита. Лично он никакого активного участия в ее травле не принимал. Но Грейс всегда знала, что, если бы Арчер продемонстрировал симпатию к ней, остальные последовали бы его примеру. Он был общепризнанным лидером, он ни на кого не оглядывался и имел собственное мнение по всем вопросам. Она восхищалась им и почти не скрывала этого. Однако ж именно Рэйлин, у которой, казалось бы, были основания ненавидеть Грейс, всегда относилась к ней по-доброму.

А Кеннеди, единственный из парней, кто мог бы изменить все, вел себя так, словно не замечал ее существования.

– Нет, ничего особенного. Жду тебя. Приезжай.

– Как поработал? Много лужаек подстриг? – спросил сына Кеннеди, отъезжая от родительского дома. Он не собирался оставаться на обед, но отец попросил задержаться, а мать к их приезду уже накрыла на стол. Отказать отцу Кеннеди не мог, так что обедать сели все вместе. Потом поговорили о политике, и, когда он, забрав собранный Камиллой пакет с вкусностями и усадив в машину мальчишек, сел за руль «эксплорера», часы показывали уже восемь вечера.

– Он сегодня провинился и сидел в углу, – ответил за брата Хит.

Возраст уже позволял ему занимать пассажирское место, но Кеннеди, руководствуясь соображениями безопасности, отправил сына назад. Рэйлин, ехавшая в свой последний день в парикмахерскую, вывернула к разделительной полосе, чтобы избежать столкновения с появившимся внезапно перед ней автомобилем, и в этот момент в нее врезался мчавшийся навстречу грузовик. Шансов выжить при таком столкновении у нее не было, но, выезжая с детьми, Кеннеди старался исключить любой риск.

– Заткнись, Хит, – сказал Тедди. – Вовсе не обязательно рассказывать папе все.

Кеннеди посмотрел в зеркало на младшего сына и, хотя

уже темнело, увидел, что Тедди недовольно нахмурился.

– Что случилось?

– Ничего.

– Что ты натворил? – не отставал Кеннеди.

Хит показал пальцем в окно – они как раз проезжали мимо дома Ивонны.

– Он зашел в этот дом.

Судя по тому, что бимер уже не стоял перед крыльцом, где Кеннеди видел его утром, Грейс переставила машину в пристроенный гараж. Место БМВ занял грузовик Кирка Вантас-села, так что Грейс, судя по освещенным окнам, принимала свою сводную сестру. Мэдлин уже довольно давно встречалась с Кирком.

– А бабушка почему огорчилась?

– Ему не разрешается приходить на Мейн-стрит. Здесь слишком много машин.

– Я прошел по переулку и через задние ворота, – возразил Тедди.

– Это не важно, тупица, – ответил Хит. – Ивонна умерла, и там живет теперь кто-то еще.

– Эй, – попытался вмешаться Кеннеди, но было уже поздно.

– Сам тупица! Я и без тебя знаю, что там кто-то живет. Я с ней разговаривал. Она дала мне лишний доллар за прополку и разрешила подстричь лужайку. Но не сейчас, а через несколько дней, когда трава подрастет.

– Надо слушать бабушку, – сказал Хит. – Ему нельзя больше туда ходить, правда, пап?

Кеннеди свернул налево у дорожного указателя. Еще квартал, и дом Ивонны исчез из зеркала заднего вида. Он знал, что Грейс не питает к нему симпатий, и это уже само по себе могло быть достаточным основанием для запрета. С другой стороны, он слишком хорошо помнил, как все сторонились ее в школе, и не собирался продолжать в том же духе.

– Тедди работал у Ивонны. Не понимаю, почему он не может работать в этом доме теперь.

Тедди повернулся к старшему брату и скорчил физиономию:

– Понял?

– Бабушке это не понравится, – покачал головой Хит.

– Ну и что? Грейс угостит меня сегодня печеньем, – сообщил Тедди, – но я тебе не принесу.

Хит в ответ показал ему язык.

– Ты бы все равно не принес.

– А вот и принес бы.

Наверно, принес бы, подумал Кеннеди. Тедди отличался не только упрямством, но и щедростью.

– Я поговорю с бабушкой. Скажу, что разрешаю тебе помогать иногда Грейс.

– Вот бабушка разозлится, – сказал Хит. – Ей Грейс не нравится.

– Бабушка ее даже не знает, – возразил Тедди.

– Знает. Я слышал, как она говорила по телефону, что Грейс – шлюха, а ее мать убила какого-то преподобного.

Иногда мать раздражала его своими словами и поступками, и сейчас это раздражение хлынуло через край.

– Грейс Монтомгери была первой в своей группе в Джорджтаунском университете, а учиться там очень непросто. И помощник окружного прокурора из нее вышел отличный. В газете про нее была статья, так там писали, что она не проиграла ни одного дела.

– А что это значит? – спросил Хит.

– Это значит, что ее следует уважать, понятно? И твоя бабушка не должна говорить, что кто-то убил преподобного, потому что она этого не знает.

– Этого только дураки не знают.

Кеннеди повернулся и в упор посмотрел на старшего сына. Хит тут же отвел глаза и робко добавил:

– Так бабушка говорит.

Кеннеди потер проступившую на подбородке щетину.

– Иногда бабушка говорит слишком много, – проворчал он, хотя и знал, что большинство горожан придерживаются того же, что и Камилла, мнения. Ему и самому иногда казалось... – Преподобный Баркер исчез много лет назад. Что с ним случилось – никто не знает.

– Так что, папа, я могу пойти завтра к Грейс? – спросил Тедди.

Кеннеди вспомнил вдруг, с каким презрением смотрела

на него Грейс на парковке возле пиццерии.

– Ей известно, что ты мой сын?

– Не знаю.

– Она говорила что-нибудь обо мне?

– Нет.

– Ладно, можешь постричь газон, но в дом не заходи.

– Почему?

– Потому что таково правило. Либо подчиняйся ему, либо вообще никуда не ходи.

– А как же мое печенье?

– Она может дать его тебе у двери, ясно?

Секунду Тедди молчал, потом покорно вздохнул:

– Ясно. Я оставил ей записку. Вот увидите, печенье будет готово уже завтра.

– А мне одно принесешь? – спросил Кеннеди.

– Пап, в печенье много углеводов, – ответил Тедди.

Кеннеди усмехнулся:

– Ты хоть знаешь, что такое углеводы?

– Нет, но так бабушка говорит. Она печенье терпеть не может.

– Только потому, что следит за своим весом.

– Самое лучшее печенье пекла мама, – сказал Хит.

В голосе сына прозвучала такая грусть, что на душе мгновенно потяжелело. Хит и Тедди ужасно скучали по матери. Кеннеди тоже. Ему так не хватало ее смеха, ее присутствия дома, ее поддержки. Раньше ему не приходилось ежедневно

иметь дело с матерью.

– Я вам обоим принесу по печеньицу, – негромко пообещал Тедди.

Кеннеди снова вспомнилось лицо Грейс на парковке.

– Только не говори, что одно предназначено для меня, – невесело усмехнулся он.

Глава 4

– Ну же, Расскажи ей. – Мэдлин подтолкнула Кирка Ван-тассела локтем в бок.

Все трое сидели за кофейным столиком в гостиной, куда перешли после наспех приготовленного Грейс обеда – цыпленка и пасты с зеленым салатом и булочек на опаре. Кирк принес несколько плакатов в поддержку Нибли, и Мэдлин немного пошумела, обозвав их предателями за то, что ни одна, ни другой не поддержали продвигаемого ее газетой кандидата. Кирк признался, что в политике разбирается слабо и всего лишь пытается помочь отцу попасть на встречу с Викки, оставшейся без мужа почти пять лет назад. Слушая его рассуждения, Грейс невольно рассмеялась. Но теперь Мэдлин меняла тему, и она уже чувствовала, как бежит по венам холодок беспокойства. Судя по более раннему, телефонному разговору, ее сводная сестра собиралась перейти к вопросу, обсуждать который у Грейс не было ни малейшего желания.

– Что рассказать? – спросил Кирк, устраиваясь поудобнее на обтянутом оливковым плюшем диване.

Незаконный ребенок, он рос у бабушки в небольшом кирпичном домике по соседству с библиотекой на Первой улице, пока повзрослевший отец не смог забрать его к себе. В школьные годы восемь лет большая разница, так что, живя в Стилутере, Грейс практически не общалась с ним. Но

Кирк всегда ей нравился – сильный, молчаливый, постоянный в привязанностях и чувствах. И вдобавок довольно симпатичный – с кривоватым носом (результат увлечения футболом), светло-русыми волосами и глубокими карими глазами. А еще у него были замечательные руки. Большие, настоящие мужские руки с заусеницами, трещинками и мозолями (Кирк работал кровельщиком), они так отличались от рук Джорджа – с узкими ладонями, длинными, тонкими пальцами и тщательно обработанными ногтями.

– Расскажи, что ты слышал в таверне прошлым вечером. Я не для того тебя притащила, чтобы ты уплел две тарелки пасты и уснул. – Мэдлин собрала свои длинные, темные с рыжинкой волосы, затянула и убрала за плечо.

Грейс взяла со столика бокал с вином, поднялась и, пройдя через комнату, остановилась у окна. Хотя прошло уже восемнадцать лет, ей иногда казалось, что едва ли не в каждом разговоре с людьми, так или иначе связанными со Стилиуотером, речь неизменно, в том или ином контексте, заходит о преподобном.

– Ну, я встретился там с Мэттом Хоутоном, – начал Кирк. Грейс поднесла к губам бокал.

– Мэтт? Что-то я такого не помню.

– Старший сын Джона Хоутона. Высокий, худощавый. Ему сейчас около двадцати трех. Работает в автомастерской у Джеда Фаулера.

При упоминании Джеда Фаулера спина и плечи словно за-

стыли.

– И что сказал Мэтт?

Положив локти на колени, Кирк подался вперед.

– Мы там просто оттягивались, пили пиво, гоняли шары. Мэтт спросил, как дела у Мэдлин, то да се, кто-то помянул, что ты в городе, а уже потом он завел речь о твоём отчине.

– И?... – Внутри у Грейс все сжалось.

– Мэтт подозревает, что к случившемуся тогда мог иметь отношение Джед Фаулер, – вставила Мэдлин, не дождавшись, пока Кирк перейдет к сути дела.

Грейс в общем-то не удивилась. Мэтт был не первым, кто предполагал, что немногословный слесарь причастен к исчезновению преподобного. Но, судя по тому, как возбужденно прозвучал голос Мэдлин, тут было что-то еще.

– Он объяснил, почему так считает?

– Ты ведь знаешь Лорну Мартин? Ту, что живет за мастерской Джеда? Так вот она говорит, что в ночь, когда исчез наш отец, слышала около полуночи грузовик Джеда. Помнишь?

Грейс кивнула.

– Потом в мастерской зажегся свет и горел до трех ночи. Лорна утверждает, что другого случая, когда бы Джед задерживался в мастерской так долго, она не припоминает.

– И она рассказала об этом в полиции, – добавила Грейс. Мэдлин повернулась к Кирку:

– А теперь говори, что сказал тебе Мэтт.

– Мэтт клянется, что у Джеда есть ящик, который он все-

гда держит на замке.

В животе у Грейс как будто что-то заворочалось. В ее жизни хватало запертых ящиков. По собственному опыту она знала – ничего хорошего в них нет.

– Ну и что? – Грейс повернулась к ним. – Может быть, у него там что-то ценное.

Брови у Кирка прыгнули вверх – наверно, он ожидал от нее иной реакции на новость.

– Может, есть, может, нет, но Мэтт считает, что ведет он себя странно. Пару дней назад Мэтт работал в офисе и случайно обнаружил, что ящик не заперт, и, поддавшись любопытству, заглянул. И в этот самый момент вошел Джед. Мэтт говорит, Джед так разозлился, что едва его не уволил.

– Никогда не видела, чтобы Джед злился. – Грейс покачала головой. – Я вообще не помню, чтобы он когда-либо проявлял какие-то эмоции.

– Вот именно, – с хитрой улыбкой согласился Кирк. – Значит, в ящике есть что-то такое, что никто не должен видеть. Джед давно был опасной переменной в сложном уравнении.

– И что же, например? – спросила Грейс.

– Может быть, какая-то улика, – предположила Мэдлин.

– Если он виновен в убийстве нашего... отца, то зачем ему хранить что-то изобличающее? – Грейс взяла на вооружение сухой, бесстрастный голос прокурора, но по меньшей мере одну правдоподобную причину такого поведения Джеда она

могла назвать уже сейчас: если он преступник. И именно к такому выводу пришла Мэдлин.

— Наверняка никто не знает, но случается всякое. По крайней мере в телесериалах нечто подобное бывает нередко. — Она допила бокал. — Да что там, ты, наверно, и сама сталкивалась с преступниками, хранившими у себя такого рода трофеи, разве нет?

— Только с одним, — неохотно согласилась Грейс — вспоминать о том случае не хотелось. Помолчав немного, она посмотрела на Мэдлин. — Я думала, ты уже решила, что это был Майк Метцер?

За неделю до исчезновения преподобный застал девятнадцатилетнего Майка в церковном туалете, где тот курил марихуану, и сдал его властям. Майку это сильно не понравилось, и он даже успел отпустить по адресу преподобного несколько угроз, а впоследствии открыто радовался, когда тот исчез. Но его мать поклялась, что в ночь, когда Баркера видели в последний раз, сын спал дома, а косвенные улики были недостаточно убедительны, чтобы полиция смогла предъявить ему обвинение. Сейчас Майк отбывал срок за изготовление метамфетамина у себя в подвале, но это не мешало Мэдлин на протяжении многих лет утверждать, что в исчезновении ее отца виноват именно он.

Большие карие глаза Мэдлин разделила задумчивая складка.

— Знаешь, я даже мысли не допускала, что это может быть

Джед. Он всегда мне нравился. С другой стороны, нельзя отрицать, что Джед и впрямь немного... не такой, как все.

Грейс согласно кивнула:

– Да, куда легче поверить, что это Майк совершил нечто ужасное.

– Вот именно. Но, возможно, я просто не хотела рассматривать все варианты. По крайней мере мы знаем, что в ту ночь Джед работал на ферме. Ремонтировал трактор.

– Он был в амбаре. Это вовсе не означает, что он виновен в убийстве. Майк жил всего лишь в миле от фермы. Даже пешком рукой подать.

Мэдлин, поднявшись, налила Кирку и себе еще вина. Высокая, под шесть футов, изящная, роскошная. Ее можно было бы назвать изысканно красивой, если бы не легкая россыпь золотистых веснушек.

– У Джеда было больше возможностей. Кирк чуть-чуть подался вперед:

– Мне картина представляется такой. Преподобный возвращается из церкви, видит свет в сарае, идет посмотреть, как дела с ремонтом трактора. Они с Джедом ссорятся, схватываются и...

– Ссорятся из-за чего? – перебила его Грейс. – У Майка по крайней мере был какой-то мотив. Но Джед-то ничего против... папы не имел. – Слово «папа» далось с трудом. В какой-то момент она даже испугалась, что не сможет его произнести.

– Может, они не сошлись в чем-то, – пожал плечами Кирк.

– Все дело в том, что папа в тот вечер домой так и не пришел, – сказала Грейс, сжимая ножку бокала и делая усилие, чтобы выжать из себя самую обычную, сотни раз повторенную фразу. – Если бы он приехал, я бы слышала.

– Может, ты просто не обратила внимания, – предположил Кирк.

– Нет. – Грейс решительно покачала головой. – Мы его ждали, потому что он каждый вечер проверял, как каждый выполнил свое задание. Так ведь, Мэдлин?

– Так, – кивнула Мэдлин.

Грейс постаралась незаметно перевести дыхание. Она всегда следила за отчимом внимательнее, чем другие.

– В ту ночь, третьего августа, он домой не вернулся, – тихо, едва ли не шепотом, сказала она.

– А что еще ты помнишь? – спросил Кирк.

Что еще? Память сохранила больше, чем хотелось бы. Она помнила, какой липкой оказалась кровь, как трудно было стереть ее с рук. С каким скрежетом прорубалась через песок и глину лопата. Помнила запах дождя и мокрых листьев. Помнила, как сидела, дрожа, в ванне с горячей водой, как стучали зубы и как мать мыла ее, словно ребенка. И еще она помнила розоватый цвет воды в ванне.

Сколько раз она пыталась стереть эти воспоминания.

– Ничего особенного. Та ночь ничем не отличалась от других.

– Если не считать того, что Джек так и не пришел получить деньги за работу, – напомнила Мэдлин. – Разве это не странно?

Конечно, странно. Почему он не пришел? Что видел в ту ночь? Грейс не знала ответа. Иногда она убеждала себя, что Джек ничего не видел, что, починив трактор, он сразу же отправился домой, как и заявил позже полиции. Но порой ей начинало казаться, что ему известно намного больше, чем он говорит.

– Может быть, он увидел, что папа еще не вернулся, и решил не беспокоить нас.

– Или был занят чем-то другим. Например, прятал тело и заматал следы, – вставил Кирк.

Грейс покачала головой:

– Джек не из таких. У него не было мотива. С какой стати ему желать зла самому популярному духовному лидеру?

– Джек не считал его духовным лидером, – возразил Кирк. – И в церковь перестал ходить еще за несколько месяцев до исчезновения преподобного. Неужели не помнишь? Однажды он встал прямо во время проповеди, вышел и уже не вернулся.

– Джек не единственный, кто перестал ходить в церковь.

– Но единственный, кто сделал это так демонстративно, посреди проповеди, которую читал твой отец.

– Может, ему не нравилось, как папа это делает. – Грейс и самой это не нравилось – то, что слетало с губ преподобного,

зачастую плохо соотносилось с тем, что было у него в сердце.

– Я иногда заходила в мастерскую Джеда вместе с папой, – сказала Мэдлин.

– И что? – Грейс уже знала ответ, а потому позволила себе поток вина.

– Я чувствовала какое-то напряжение... недоброжелательность. Помню, однажды папа пригласил его вернуться в церковь, но Джек ответил, что он уже услышал все и даже больше, что может сказать *такой* человек. – Мэдлин задумчиво провела пальцем по ободку бокала. – Вам не кажется, что здесь просматривается некоторая враждебность, а?

– Но полиция так и не смогла найти доказательств того, что Джек сделал что-то противоправное. – Грейс наконец повернулась лицом к гостям.

– Да они особенно и не искали. Допрашивали только для того, чтобы он указал на маму, – сказала Мэдлин.

– И теперь ты *его* считаешь виновным в убийстве? – Она слишком поздно спохватилась, что сделала ударение не на том слове, но никто, похоже, ничего не заметил.

– Папа не мог просто взять и, как говорится, уехать на закат. Он не оставил бы меня в неведении. Не бросил бы маму, тебя, Клэя, Молли, ферму, паству. Тем более после того, что сделала моя настоящая мать, – тихонько добавила Мэдлин. – Она выбрала легкий путь, и папа ненавидел ее за это.

Грейс прикусила язык. Мэдлин не могла не замечать трещинок в браке своего отца с женщиной из Бунвилля, не мог-

ла не ощущать растущего напряжения между ним и приемными детьми. Но она, похоже, предпочла не обращать внимания на определенные инциденты и сохранить в памяти то прошлое, каким желала его видеть. Если бы не ее твердая позиция, не ее безусловная поддержка Айрин, следствие могло бы растянуться на годы. Не исключено, дело дошло бы до суда даже и без наличия собственно тела.

– Но ведь за Джедом никогда не замечалось склонности к насилию, разве не так, Мэдди?

– Джек что-то знает, – упрямо покачала головой Мэдлин, – но отказывается говорить правду о событиях той ночи.

Неужели Мэдлин действительно стремится установить истину? Грейс много раз порывалась посоветовать ей забыть отца. Что случилось, то случилось, и изменить ничего нельзя, а правда, до которой она с таким упрямством пыталась докопаться, могла принести только еще больше боли и страдания. Отнять у нее мать, брата, сестер... Разве мало ей того, что она уже потеряла?

– Тебя ведь там даже не было, – напомнила Грейс.

Ту злополучную ночь Мэдлин провела у подруги, совершенно не подозревая, какие жуткие события разворачиваются дома. Впрочем, она вообще о многом не подозревала – преподобный делал все, чтобы держать дочь в неведении.

– Знаете, однажды я зашел к Джеду в мастерскую за своим джипом, и он отпустил довольно странную реплику, – сказал Кирк. – Тогда я не придавал этому значения, но после разго-

вора с Мэттом...

Грейс уперлась взглядом в свое отражение в оконном стекле.

– И что же он сказал?

– Я спросил его о той ночи. Он поначалу отмалчивался или отделивался общими фразами, что, мол, ничего не знает. Но я не отставал, и тогда Джек выразился в том смысле, что, по его мнению, Ли Баркер получил по заслугам.

Сидевшая рядом с Кирком Мэдлин вздрогнула, словно от удара электрическим током.

– Получил по заслугам? – повторила она и посмотрела на сводную сестру. – Ты слышала? Господи, мой отец был поповедником. Добрым, отзывчивым человеком. Как он мог заслужить такое?

Грейс закрыла глаза, отчасти завидуя наивности Мэдлин, умевшей не замечать очевидного.

– Не придавай этому слишком большого значения. Джек просто недолюбливал отца. Вот и все.

– Нет, тут кроется что-то другое. И я это докажу.

В ту ночь дождь лил как из ведра. Впервые с тех пор, как она переехала в дом Ивонны, Грейс чувствовала себя неудобно, сидя на кожаном диване в гостиной, глядя на потоки воды, низвергающиеся каскадом по оконным стеклам. Разговор с Мэдлин и Кирком растревожил ее, но не больше, чем затянувшийся ливень. Она ясно представляла, как там, за

фермой, в рощице, ручейки размывают землю и уносят верхний слой почвы в оросительные каналы. Ямку выкопали тогда неглубокую – не хватило времени...

Но ведь за восемнадцать лет могилу Баркера так и не нашли.

Грейс налила себе еще вина. А если Мэдлин удастся убедить полицию в том, что Джед убил ее отца? Чем Джед сможет доказать свою невиновность? Что, если, защищая себя, он расскажет все, что ему известно? И как она будет смотреть в лицо Мэдлин, если та узнает правду?

Грейс отпила шардоне. Неделию назад, встретив у фермы Клэя, она сказала, что вернулась в город, чтобы решить, как быть дальше, носить правду в себе или признаться в совершенном. Но то была ложь. Они оба понимали, что у нее связаны руки. Иначе бы давно во всем призналась.

Так почему же она здесь? Наверное, чтобы найти какое-то оправдание своему затянувшемуся молчанию. Придумать, как жить с тем, что тогда случилось. Примириться с прошлым. Вот и все.

Пытаясь стряхнуть ощущение чего-то гнетущего, чего-то, что, подобно паутине, уже висело по углам, Грейс отставила бокал и потянулась за лежавшим неподалеку сотовым.

– Алло?

Ровный, глубокий голос брата подействовал успокаивающе.

– Не люблю такие вот вечера, – вместо приветствия, ска-

зала она. – Тебя не тянет выйти с ружьем на крыльцо да посмотреть, не крадется ли кто?

Ответ пришел не сразу, и пауза получилась многозначительная.

– Никто не крадется, Грейс. И ничего не случится, пока я здесь.

Она потеряла руку – на голом предплечье выступила гусиная кожа.

– Но ведь дождь...

– Это только дождь.

– Нет, не только. Не забудь про жару и запах, что идет оттуда... Все как будто возвращается... как будто это было только вчера...

– Не вчера, а очень, очень давно. Все уже разъехались. Никого не осталось.

– Чепуха. – Хотя в комнате было душно, она натянула по-выше плед. – Ты же остался. Охраняешь эту чертову ферму. И я тоже здесь. Вернулась туда, где все и началось. Даже Мэдлин никуда не уехала и продолжает искать своего отца. Искать ответы. Теперь она уверена, что это Джек.

– Есть и другие, кто считает так же.

– Так вот, она намерена это доказать.

На этот раз он ответил сразу, не колеблясь:

– Не докажет.

– Но может попытаться. Бывает так, что и этого оказывается достаточно. В моей практике нечто подобное уже слу-

чалось. Человек, не пожелавший забыть о некоем давнем деле, добился в конце концов того...

– Пока нет тела, любые подозрения и обвинения бессмысленны и безосновательны, – прервал ее Клэй. – За восемнадцать лет ничего не изменилось. Полиция не станет вновь открывать дело, не получив новых свидетельств. Ты же давно занимаешься уголовным правом и должна бы знать.

Грейс потеряла лоб. Да, она занималась уголовным правом давно и видела немало исключений.

– Вот почему я держалась отсюда подальше. Не хотела трястись от страха каждую ночь, когда начинался такой вот ливень. Не хотела слышать стенаний Мэдлин. Не хотела изо дня в день лгать ей.

Тяжелая, словно заряженная напряжением пауза яснее всяких слов говорила, что то же самое мог бы произнести и Клэй, но он, помолчав, сказал другое:

– Все в порядке, Грейс. Дело закрыто. Больше ничего не случится – я не допущу.

В дверь постучали, и Грейс удивленно взглянула на часы над камином. Почти полночь.

– Кто-то пришел.

– Так поздно?

– Может, Мэдлин что-то забыла. – Она поднялась, подошла к двери и посмотрела в глазок. – Все, пока.

– Кто там?

– Джо Винчелли.

– Винчелли? Что ему у тебя надо?

– Понятия не имею. Если не перезвоню через пять минут, приезжай сюда, ладно?

– Дай мне поговорить с ним.

Грейс вовсе не хотела втягивать брата во все это. У каждого своя война. К тому же Клэй и без того сделал для нее очень много.

– Позволь мне хотя бы узнать, в чем дело, – сказала она и дала отбой.

Грейс открыла дверь. Порыв влажного ветра растрепал волосы, мягкий стук дождя на мгновение стал громче.

– Чем могу помочь?

Джо усмехнулся. Взгляд его скользнул вниз, потом вверх.

– Увидел свет в окнах, вот и решил зайти.

– Зачем? – без улыбки спросила Грейс. – Заблудился?

Он снова усмехнулся. Потер подбородок, словно расщепленный надвое ямочкой. Густая темная щетина, близко посаженные глаза и кривые зубы придавали постаревшему лицу неприятное, какое-то звериное выражение.

– Да ладно, перестань. Давай лучше выпьем. В память о былом. Я видел тебя в пиццерии, да только подойти не успел.

– Не успел? Может, потому, что был слишком занят, а? Хвастал перед дружками, как поймел меня, когда нам было по шестнадцать.

Джо смущенно почесал шею.

– Ну... я же так... я же ничего... Грейс взялась за ручку

двери.

– Ступай домой. Мне ничего от тебя не надо.

– Зачем же так грубо. – Джо прислонился к колонне, достал сигарету, закурил. – Почему бы и не поразвлечься немного? – Он выпустил струйку дыма.

– Вместе?

Джо лукаво подмигнул.

– Нам ведь не впервой.

– Есть одна проблема.

– Что за проблема?

– Я бы не подпустила тебя к себе, даже если бы ты был последним мужчиной на земле.

Улыбка поблекла. Он оттолкнулся плечом от колонны и выпятил подбородок.

– А ты изменилась, да?

– Наверно.

Джо хитровато ухмыльнулся:

– Держу пари, не так уж сильно.

– Думаю, сильнее, чем ты можешь представить. – Она смерила его оценивающим взглядом и покачала головой, давая понять, что увиденное не произвело впечатления. – Зато ты так и не повзрослел.

Джо затаился. Взгляд его сделался жестче.

– Думаешь, слишком хороша для меня, да? Ты ведь теперь большая шишка. Помощник окружного прокурора в самом Джексоне. Так, Зубрилка Грейси?

Дым от сигареты уже щипал ноздри.

– Называй меня Грейс, – ответила она. – И, Джо, я всегда была слишком хороша для тебя. Только сама этого не знала.

– Поцелуй мою задницу. – Джо отшвырнул окурок и шагнул с крыльца, но остановился на последней ступеньке и снова повернулся к ней. – Ты тогда получила все, чего просила. – Он ткнул в нее пальцем. – Дешевая шлюха.

– Не подходи ко мне больше, – предупредила Грейс и закрыла дверь.

– Сучка! – крикнул Джо и запустил в дом камнем. Она задвинула задвижку и, обхватив себя руками, прислонилась к стене. *Убирайся...*

– А что, если я возьму лопату да покопаюсь на той ферме, где ты жила, а? Посмотрим, что там есть! – орал за дверью Джо. – Дядя Ли, он ведь не растаял в воздухе, так, Грейс? В городе все знают, что с ним случилось, хотя ни ты, ни твоя семейка и не хочет ничего признавать.

Она промолчала. В Стиллуотере многие считали Джо настоящим героем, ведь когда-то, еще в детстве, он с риском для жизни спас тонувшего в реке Кеннеди Арчера. Грейс же никаких положительных качеств в нем не находила.

– Так кто из вас его уделал? – не унимался Джо. – И каково оно, убить человека, а?

Грейс закрыла лицо ладонями.

– Даже если и не сама, от тюрьмы тебе не отвертеться. Да ты ведь законы не хуже меня знаешь.

Господи, а ведь узнать правду так легко – нужно лишь знать, где искать.

– Ты еще пожалеешь, что обошлась со мной так!

Парой секунд позже во дворе затрещал мотор грузовичка. Выглянув в окно, Грейс увидела, как он сдал назад, развернулся на лужайке и исчез в темноте.

Ты еще пожалеешь... Последние слова Джо эхом звучали в ее ушах.

Нет, он ничего не сделает, сказала себе Грейс. Клэй ему не позволит.

Но Джо не единственная их проблема. Не меньше ее пугал запертый ящик Джеда. Точнее, то, что было в нем.

Зазвонил телефон.

– Ты в порядке? – спросил Клэй, как только она ответила.

Грейс не знала, что сказать. Первым порывом было собрать вещи, вернуться в Джексон, спрятаться под маской служителя закона и порядка и зарыться в работу, как она делала каждый день. Но что-то подсказывало – бежать слишком поздно.

– Я... я никогда ему не нравилась.

– Зачем он приходил?

– Наверно, чтобы напомнить об этом.

– Ты ведь не наделаешь глупостей, а, Грейс? – спросил Клэй.

В школе она определенно наделала немало глупостей, когда спуталась с Джо и его друзьями. Но с тех пор прошло

немало лет, и школа давно осталась позади. Она стала сильнее. Последние тринадцать лет закалили ее.

– Если Джо Винчелли провалится в ад, я плакать не стану.

– Умница.

На следующее утро Грейс первым делом позвонила матери. Затянув с первым контактом, она не хотела обидеть Айрин во второй раз. В конце концов, одной из целей возвращения в Стиллуотер было восстановление добрых отношений с матерью, а не их разрушение.

– Не хочешь прийти на завтрак? – спросила Грейс, подтягивая повыше подушки.

Едва Айрин начала что-то говорить, как на заднем фоне послышался мужской голос.

– У тебя кто-то есть?

– Конечно нет, – поспешно ответила мать. – Сейчас ведь всего лишь восемь.

Грейс нахмурилась. Может быть, телевизор? Или?...

– Если тебя больше устраивает какой-то другой день...

– Не хочу откладывать. Ты ведь здесь ненадолго – того и гляди, назад засобираешься. Просто... просто дай мне немного времени, чтобы собраться. Час или чуть больше.

Собраться и избавиться от того, с кем она, возможно, провела ночь.

– Хорошо.

– Тогда пока. До встречи.

Как только мать повесила трубку, Грейс сразу же набрала номер Мэдлин.

– Думаю, мужчина, с которым мама встречается, может быть сейчас у нее, – сказала она, едва услышав голос сводной сестры.

– Она сказала, что у нее кто-то есть?

– Нет, но я определенно слышала чей-то голос.

– Странно, что она так себя ведет.

– Не понимаю, зачем делать из этого такой секрет. Или она боится расстроить нас? Но нам всем уже за тридцать – кроме Молли, которой двадцать девять, – так что все ее поймут.

– А если она опасается, что мы не одобрим ее выбора?

– Интересно, кто же это может быть? – Побрыкавшись, Грейс отбросила к ногам простыню.

– Даже не представляю.

Айрин все еще оставалась весьма и весьма привлекательной женщиной. Если бы не та ночь восемнадцатилетней давности со всеми ее последствиями, она, вероятно, уже давно бы снова вышла замуж. Тем более что все четверо детей жили теперь отдельно.

– Надеюсь, она нам скажет, когда будет готова.

– Наверно, – согласилась Мэдлин.

Грейс поднялась и, подойдя к окну, выглянула в сад. На этот раз на ней были трусики и футболка, но, помня о вчерашнем, она все же не стала высовываться.

Сорняки были выполоты, клумбы аккуратно выровнены.

Старания не прошли бесследно, результаты радовали глаз, хотя мышцы болели так, что каждое движение отзывалось болью.

– Интересно, надо ли маме сегодня на работу.

– А ты не спросила?

– Собиралась, но меня сбил низкий мужской голос на заднем фоне.

Мэдлин рассмеялась:

– Уверена, на работу она пойдет. Миссис Литтл, хозяйка бутика, без нее как без рук. Обходится только по субботам и воскресеньям, когда они закрыты.

– А мистер Литтл там оказаться не мог?

– Мистер Литтл? – недоуменно повторила Мэдлин.

– Может быть, у мамы роман с женатым мужчиной.

– Господи, надеюсь, что нет. Если это так, горожане просто-напросто распнут ее.

– Они сами не позволяли ей оставаться незаметной.

– И все же сейчас маме следовало бы проявлять особую осторожность.

– Почему? – спросила Грейс.

– Потому что ты вернулась. Им интересно.

Если не считать контактов с родственниками Ивонны и агентом по недвижимости да посещения пиццерии и бакалейного, Грейс практически не выходила из дому и ни с кем не общалась. И что же в таком случае стало причиной повышенного интереса к ней со стороны горожан?

– И что с того?

– Тебя давно не было в городе, вот людям и любопытно. Меня очень многие спрашивают, где ты, как. Знаешь, я даже подумывала еще раз написать о тебе в газете.

– Шутишь.

– Серьезно.

– Не трать попусту время. Зачем это нужно? Что я такого сделала, что людям интересно читать обо мне?

– Объясню. Ты – красивая женщина, но держишься независимо и отчужденно. Людей такая комбинация жутко интригует. К тому же всем интересно знать, чего ты достигла за последние тринадцать лет.

Вечный адвокат. И что бы только их семья делала без Мэдлин?

– Ты уже все им рассказала. Мама присылала статью, которую ты опубликовала в прошлом году.

– Дело не в том, что ты моя сестра. Далеко не каждый день кто-то из Стилутера заканчивает Джорджтаунский университет первым в своей группе, а потом, работая помощником окружного прокурора, не проигрывает ни одного дела.

– Ну и что? Я работаю всего лишь пять лет. У меня еще все впереди. В том числе и поражения. К тому же тебе прекрасно известно, что думают обо мне добрые жители Стилутера.

– Поэтому я и хочу, чтобы люди знали, как сильно они в тебе ошибались.

В том, что газетные статьи способны изменить чье-то мне-

ние, Грейс очень сильно сомневалась. Слишком многие помнили, какой она была в школе, как пыталась одновременно спасти и погубить себя.

– Не надо никаких статей.

– Посмотрим, будет ли о чем писать на этой неделе, – сказала Мэдлин тоном человека, который уже все для себя решил. – Какие планы на вечер?

– Никаких.

Впервые за долгое время ее не ждала куча папок на рабочем столе и голова не была забита каким-то срочным расследованием. Она знала, что из офиса могут позвонить, спросить о деталях того или иного разбирательства, но не более того – все ее текущие дела были переданы коллегам.

– Ничего, если я зайду после работы?

– А ты когда заканчиваешь?

– Около пяти. Если только не случится нечто экстраординарное. У нас экстраординарным событием считается, например, побег коровы из загона. – Мэдлин рассмеялась. – Думаю, с этим я справлюсь, не задерживаясь на работе.

– Приготовить обед?

– Обед ты уже готовила вчера. Не против, если я принесу пиццу?

Грейс вспомнила про мальчика, оставившего в двери такую трогательную записку, и подумала, что он наверняка придет вечером за обещанным печеньем. Если ребенок живет в такой же бедной семье, в какой жила когда-то она са-

ма, было бы неплохо приготовить что-то еще, чтобы он отнес домой.

– Не стоит, я сделаю лазанью.

– Обожаю лазанью.

– Как думаешь, не прокатиться ли мне мимо маминого дуплекса? – спросила Грейс, возвращаясь к разбудившему ее любопытство разговору с Айрин. – Посмотреть, не стоит ли там какая-нибудь машина?

– Маму на этом не поймаешь.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что этот вариант я уже опробовала. Причем не раз. Никакой машины не обнаружено.

Грейс отступила от окна и начала раздеваться, готовясь к душе.

– Ты же репортер. Неужели так трудно выяснить, кто у нее бывает?

– Ну, наверно, не так уж трудно, но... Честно говоря, я не знаю, как быть. С одной стороны, не хотелось бы вторгаться в ее личную жизнь, а с другой, не терпится удовлетворить собственное любопытство. А еще я немного боюсь того, что может открыться.

– Да, иногда неведение есть благо, – согласилась Грейс.

Хорошо бы и Мэдлин взяла эту формулу за правило в отношении к своему отцу.

– Ты права. Ладно, поговорим об этом вечером.

– До встречи.

– Грейс?

– Что?

– Не хочешь потом сходить со мной в автомастерскую?

Ну, поводить носом, посмотреть, что и как.

Грейс, стягивавшая в этот момент трусики, так и замерла в неудобной позе.

– Потом? Уж не хочешь ли ты сказать, что собираешься пробраться в мастерскую Джеда после закрытия?

– Хочу.

Она выступила из свалившихся на пол трусиков и отшвырнула их ногой в сторону. Сердце вдруг застучало, и в груди стало жарко.

– Это называется проникновение со взломом.

– Мне нужно знать, что там, в этом запертом ящике.

– Посреди ночи?

– А когда еще туда можно попасть? Если он ни в чем не виноват, то и большого вреда оттого, что я одним глазком загляну в ящик, не будет.

– По-моему, ты забываешь, что собираешься нарушить закон! Если нас поймают, мы можем запросто отправиться в тюрьму. И я потеряю работу. Вот тогда уж у тебя точно появится интересный материал для газеты!

– Нас не поймают. Ты не хуже меня знаешь, какая полиция в этом городе. Они же по ночам из кофейни не вылезают. К тому же у меня в машине есть полицейский сканер. Прежде чем отправляться на дело, убедимся, что они нам не

помешают.

– Мэдди...

– Ты просто подумай над моим предложением, ладно? Не хотелось бы идти в одиночку.

Грейс выключила вентилятор – постоянное мелькание лопастей стало вдруг непереносимым.

– А что Кирк?

– Прошлой ночью он бы помог, но я тогда еще не решилась. А сегодня уже поздно. Ему на автоответчик пришло сообщение – у Деллы случился инсульт. Она никогда не была хорошей матерью, но сейчас ее отвезли в больницу, и Кирк собирается вылететь в Миннесоту, чтобы побыть с ней какое-то время.

Грейс прислонилась к двери в ванную.

– Так нас будет только двое? Ты и я?

– Мы справимся. Пойми, я должна увидеть, что он прячет в ящике. Пока он не убрал это в другое место.

Грейс поймала себя на том, что нервно тербит нижнюю губу.

– Но ведь Джед знает, что Мэтт совал нос в его ящик. Если там что-то и было, он, скорее всего, уже переложил это в другое место.

– Прошло всего два дня. Ящик запирается на замок. Есть шанс, что Джед еще не успел это перепрятать.

– Послушай, я не понимаю, на что ты рассчитываешь. Что это нам дает?

– Не понимаешь? – В голосе Мэдлин прозвучали недоверчивые нотки. – Мы можем установить истину! Неужели ты не хочешь узнать, что случилось с папой? Неужели тебя это не мучает?

Господи, если бы она ничего не знала.

– Конечно хочу, но...

– Может быть, мы наконец получим ответы хотя бы на некоторые вопросы.

– Или не получим.

– Даже если не получим, это ведь тоже результат, верно?

– Что ты имеешь в виду?

– Помнишь, что сказала Лорна Мартин? В ночь исчезновения папы Джед допоздна оставался в своей мастерской. По ее словам, это был единственный такой случай. О чем это нам говорит?

– О том, что у Лорны Мартин слишком длинный нос? – попыталась отшутиться Грейс.

– О том, что Джед был занят чем-то необычным.

Грейс представила, как они обыскивают мастерскую Джеда, и поморщилась – неприятное дело. Меньше всего ей хотелось вторгаться в его частную жизнь. К тому же Джед был довольно странным человеком. Кто знает, что он сделает, если застукнет их в своей мастерской.

– Мэдлин...

– Пожалуйста, Грейс. Сделай это ради меня, хорошо? Я жить не смогу, если не увижу, что в том ящике. В крайнем

случае буду знать, что к нашему делу это не имеет никакого отношения.

Уж не плачет ли Мэдди? Грейс закусила губу. Что же делать?

– Если мы ничего не найдем, ты обещаешь оставить Джеда в покое?

Долгая пауза. Потом:

– Если смогу.

Не очень-то похоже на обещание. Грейс разрывалась между желанием отказаться, сказать твердое «нет» и чувством долга, говорящим, что Мэдди нуждается в ее поддержке. К тому же, не получив помощи, сестра, чего доброго, начнет копать глубже.

– Ладно, обещать ничего не буду, но подумаю.

Бросив телефон на полку, она провела ладонью по волосам. Черт бы побрал Мэтта Хоутона. Держал бы рот на замке...

Вломиться в чужую мастерскую – преступление. Но Грейс боялась не столько того, что их поймают, сколько того, что Мэдлин заподозрит правду.

Глава 5

От разговора с Мэдлин осталось гнетущее ощущение опасности. Когда приехала мать, Грейс взялась приготовить завтрак, но при этом ее не оставляло чувство, что вот сейчас пол под ногами провалится и она угодит в глубокую-глубокую яму, из которой никогда не выберется.

Возвращение в Стилутер изменит ее жизнь. Она всегда это знала. Знала и боялась этого. И тем не менее не могла убедить себя уехать. Может быть, потом, позже. Последние тринадцать лет она притворялась кем-то другим, но в конце концов не выдержала. Она не желала больше так жить. Чтобы двигаться дальше, чтобы открыться для новых эмоций, нужно собраться, преодолеть чувство вины и простить себя.

Но как это сделать? И возможно ли вообще такое? Она не знала. И сильно сомневалась, что вторжение в мастерскую Джеда поможет кому-либо.

– Ты такая молчаливая сегодня, в чем дело? – поинтересовалась мать, поливая сиропом оладьи, тарелку с которыми Грейс только что поставила перед ней.

Грейс принесла кувшин с апельсиновым соком. Айрин и сама не отличалась многословием. Приехала она с опозданием, раскрасневшаяся, и на все вопросы неизменно отвечала, что была этим утром одна.

– Просто задумалась.

– О чем?

Грейс положила себе на тарелку немного бекона и, вернувшись к столу, села рядом с матерью.

– О Мэдлин.

– С газетой у нее очень хорошо получается.

Судя по уклончивой реплике, обсуждать серьезные темы Айрин не собиралась. Она всегда предпочитала игнорировать то, что могло каким-то образом ее расстроить.

Грейс и хотела бы подыграть матери, сделать вид, что все в порядке, но не могла. Именно поэтому она и выбрала для себя такую работу: защищать пострадавших и привлекать к ответственности тех, кто подвергал мучениям других. Именно поэтому она и возвратилась в Стиллуотер.

– Мэдди думает, что знает, кто убил ее отца.

Айрин поморщилась.

– Этот Майк Метцер – сущий дьявол, правда?

Хорошим человеком Майка никто бы не назвал, но Ли Баркера он не убивал, и Айрин знала это не хуже Грейс.

– Мэдлин очень хорошо писала о тебе. Она гордится тобой.

Грейс знала – до Мэдлин доходили разные слухи о ее поведении в школе, но она упрямо отказывалась им верить. Как отказывалась верить во все те обвинения, что выдвигали против Монтгомери жители Стиллуотера.

– Мэдди всегда стояла за нас.

Айрин отпила соку.

– Не я родила эту девочку, но по духу Мэдлин наша. И я знаю, что она и сама так считает.

Грейс посмотрела на мать. Она понимала, что не должна об этом спрашивать, но и молчать больше не могла. Ее сводило с ума, что Айрин не чувствует за собой никакой ответственности за прошлое.

– Пока не узнает правды, да?

На лице Айрин проступило обиженное выражение.

– Она не узнает.

И так всегда.

– Может узнать.

Молчание.

– Думаю, нужно перенести тело, – выговорила через силу Грейс.

Айрин удивленно моргнула. Грейс и сама не понимала, как эти слова сорвались с языка. Она не могла больше жить по-прежнему, скрывать правду. И все же... что еще она могла сделать? Допустить, чтобы дорогие, близкие ей люди пострадали из-за того, в чем не были виноваты?

– Грейс, пожалуйста... – пробормотала побледневшая Айрин. – Я не хочу говорить... об этом.

Грейс понизила голос. Теперь, озвучив наконец мысль, пугавшую еще недавно ее саму, она почувствовала, что поступать нужно именно так, что другого варианта нет.

– Понимаю, это трудно. И я не хочу тебя расстраивать. Я только говорю, что тело нужно перенести.

– Прекрати, – шепнула мать, испуганно оглядываясь, словно их могли услышать. – Ничего такого мы делать не станем.

– Вчера вечером сюда приходил Джо Винчелли. Грозился взять лопату и отправиться на ферму.

– Зачем ему это? Через восемнадцать лет...

– Он чувствует, что мы скрываем что-то.

– Но Ли исчез давным-давно. Его родственники, конечно, не здороваются со мной, когда встречаются на улице, но Джо... с Джо у нас никогда не было никаких проблем. С чего бы ему вдруг начинать?

Грейс вытерла выступившие на стекле капельки.

– С чего? Да хотя бы с того, что ему уже не тринадцать. И он вырос злобным, мстительным мерзавцем.

Айрин разгладила несуществующие складки на юбке.

– Полиция обыскивала ферму и ничего не нашла. Джо тоже не найдет.

– Проблема не в одном только Джо. Мэдлин также твердо намерена выяснить, что тогда случилось. Если она опубликует в газете какие-то новые данные, этой истории не будет конца. По городу и без того уже пошли разговоры; люди вспоминают, кто что и когда видел. В каком-то другом месте, побольше, никто бы и не стал ворошить прошлое, скандал просто забылся бы, но не здесь. Тем более что семья Джо до сих пор уверена, что нам сошло с рук убийство. Да еще и Мэдлин со своей газетой...

– Она хочет знать правду, это вполне естественно. Грейс схватила мать за руку.

– Мама, акулы в этом городе не спят. Они годами ходят кругами, выжидая подходящего момента. Нас может выдать любая мелочь. Нужно раз и навсегда избавиться от тела преподобного, пока у нас еще есть такая возможность. Нужно перенести их подальше в лес и захоронить поглубже.

Айрин подняла стакан, но рука так дрожала, что ей пришлось поставить его на стол. Прикрыв ладонью рот, она прошептала:

– Нет. Я... я не могу даже думать об этом.

– Но делать что-то надо, – стояла на своем Грейс. – Клэй не может жить на ферме вечно. Ему нужна свобода, чтобы он смог жениться или переехать. Если мы избавимся от тела преподобного, нас уже ничто не будет связывать с его исчезновением. Но если кто-то найдет могилу сейчас...

– Да поможет нам Бог, – с дрожью в голосе закончила за нее Айрин.

– Вот именно.

– Та... та ночь... – Айрин уперлась взглядом в тарелку, очевидно прокручивая в памяти сцены, вспоминать которые так долго отказывалась, потом медленно покачала головой. – Нет, мы должны затаиться. Если тронем... если попытаемся перенести... можно совершить ошибку, упустить что-то или оставить, и тогда... тогда Ли возьмет верх. Тогда он погубит меня, нас... даже Мэдлин.

Айрин заметно разволновалась, и Грейс вдруг увидела, как слаба, как хрупка и уязвима ее мать. Она убрала руку, перевела дыхание, помяла на тарелке остывающие оладьи. Ни сил, ни самообладания у матери уже не осталось, а значит, полагаться на ее решения, как это бывало раньше, когда Айрин принимала их с помощью Клэя, теперь не приходилось. И может быть, Клэй понял это первым. Может быть, именно поэтому он так защищал ее от всего.

– Извини, мама. Не волнуйся и ни о чем не беспокойся, ладно? Я ошибалась. Все в порядке.

Айрин бросила быстрый взгляд в сторону кухни:

– Ты действительно так считаешь?

– Да. – Грейс погладила ее по плечу. – Джо напугал меня, вот я и запаниковала.

– Уверена?

– Конечно, – ответила Грейс, демонстрируя наигранное спокойствие.

Айрин кивнула:

– Вот и отлично. Рада слышать. Я... У нас сейчас все хорошо. Наконец-то. И было бы несправедливо, если бы...

– Я знаю. – Грейс посмотрела на тарелку Айрин. – Ты закончила?

– Да.

– Если не против, я заберу.

Она поднялась, собрала тарелки, отнесла их в раковину. И так, на мать рассчитывать не приходится. Что же делать?

– Как тебе работа в бутике Амелии?

Айрин моментально ухватила за любезно подброшенное дочерью предложение сменить тему разговора.

– У меня там двадцатипроцентная скидка.

– У тебя хороший вкус. Ты всегда чудесно выглядишь. – Грейс ободряюще улыбнулась. – Знаешь, я провожу тебя к машине. Не хочу, чтобы ты опаздывала из-за меня. – Она вдруг поняла, как важно ее возвращение домой. Важно не только для нее, но и для семьи, которая нуждалась в ней.

Тедди Арчер стоял на крылечке дома Ивонны и никак не мог решить, стоит постучать или не стоит. Прошло уже с полчаса, как отец высадил его на той улице, где жила бабушка, но он знал, что время для визита еще не совсем подходящее. В конце концов Тедди выждал сколько смог, надеясь, что этого окажется достаточно. Однако, подойдя к крыльцу, он увидел стоящие у стены колышки с табличками, призывающими голосовать за Викки Нибли, и понял, что его новая знакомая принадлежит, как выражалась бабушка, «к лагерю противника».

Бабушка очень плохо относилась ко всем, кому нравилась Викки Нибли. Она называла ее «благодушной либералкой» и утверждала, что Викки и ее друзья доведут город до ручки. Только вот Грейс вовсе не казалась Тедди плохой. Разве она не дала ему лишний доллар, когда он прополол клумбы? И что плохого в том, чтобы забрать обещанное печенье?

Поразмыслив и приняв решение, Тедди постучал и, ожидая, пока Грейс откроет, поправил козырек бейсболки.

Все его сомнения и опасения мгновенно рассеялись, как только открылась дверь, – Грейс и впрямь была рада его видеть.

– Привет, – сказала она.

Сунув руки в карманы, Тедди кивком указал на глубокие борозды, пересекавшие зеленую лужайку. Их он заметил еще раньше, чем увидел таблички с призывами голосовать за Викки Нибли.

– Кто-то испортил вам лужайку.

Она проследила за направлением его взгляда.

– Да, знаю.

– Знаете? И кто же?

Она нахмурилась.

– Один человек. Его зовут Джо.

Имя было знакомо ему.

– Джо Винчелли?

– Да. Ты его знаешь?

– Ага, он забавный.

– Может быть, кто-то так и думает. Но на меня он впечатления не произвел.

Джо нравился не всем. Тедди слышал однажды, как бабушкина подруга сказала, что ей жаль родителей Джо – их сын «ни на что не годен». Что именно это означает, Тедди не знал, но явно ничего хорошего. Наученный тому, что не

все услышанное можно повторять, он никому об этом не говорил. Вот и теперь, чтобы перевести разговор, он показал на таблички:

– А вы будете за миссис Нибли голосовать?

– Да.

– А почему? – прищурился Тедди.

– Я не большая поклонница Кеннеди Арчера.

– А... – Неужели ей не нравится его отец? Тедди не знал, как это понимать и что делать.

– А ты? – спросила она. – За кого бы ты голосовал, если бы имел такое право?

– Не за Викки Нибли, – признался Тедди.

– Так ты, значит, за Арчера?

Он кивнул.

– А ты его знаешь?

Он опять кивнул и даже хотел сказать, что Кеннеди Арчер его отец, но побоялся, что ей это не понравится.

– Он хороший, – сказал Тедди, втайне надеясь перетащить ее на свою сторону.

– Как скажешь. – Грейс все так же улыбалась, но что-то в ее тоне подсказывало, что ему не удалось ее убедить. – Возьмешь свое печенье?

Наконец-то дошли до главного. Он ухмыльнулся:

– Ага.

– Отлично. Я напекла тебе целый поднос. Если хочешь, принесу телефон, и ты позвонишь маме и спросишь, можно

ли тебе зайти в дом, выпить стакан молока с печеньем?

Тедди вытянул шею и заглянул через открытую дверь в дом. Оттуда шел сладковато-теплый запах кухни. Запах, напоминавший о маме. И ему хотелось войти и представить, что когда-нибудь этот аромат снова придет в его дом.

Но папа запретил заходить к ней. Поглядывая в открытую дверь, Тедди нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Э... мм... моей мамы нет дома.

– А кто же за тобой присматривает?

– Бабушка. И она уже знает, что я здесь.

– Точно?

Он кивнул, но она, кажется, не очень-то поверила.

– Ну, раз так, то почему бы нам не расстелить одеяло на задней лужайке и не перекусить там?

А она хорошая, подумал Тедди, пусть даже ей и не нравится его папа. И почему бы на самом деле не поесть на лужайке? Это же не в доме, так?

– А можно мне потом еще поработать у вас? Если надо что-то сделать...

Она тепло улыбнулась – как будто солнышко выглянуло из-за тучки.

– Я как раз собиралась заглянуть в сарай и спуститься в подвал, а это ведь всегда приключение.

– Почему это приключение?

– А ты когда-нибудь бывал в сарае или в подвале?

– Один раз. С Ивонной. Помогал поднять свеклу.

– И тебе не было страшно? Там ведь темно, наверно. И паутина везде.

– Я пауков не боюсь. – Он вытянулся в полный рост, чтобы она поверила, хотя, признаться, в сарае и впрямь было страшновато. – А подвал вам зачем?

– Хочу посмотреть, сколько там осталось консервированных персиков и томатов. Видишь ли, я собираюсь открыть «Домашние заготовки Ивонны».

– Ее лавочку? – Тедди едва не запрыгал от восторга. Прошлым летом, когда он только начал бывать у бабушки, Ивонна часто приглашала его к себе. В ее доме он, сам не зная почему, чувствовал себя счастливым. – Я умею хорошо считать.

– Нисколько не сомневаюсь, – рассмеялась Грейс. – В любом случае я буду рада, если ты составишь мне компанию. – Она приоткрыла дверь чуточку шире. – Ты не pomoжешь мне вынести все во двор? Перекусим, а потом займемся делами.

Если Тедди и колебался, то не больше секунды. Он ведь не станет задерживаться в доме, а значит, и папиного распоряжения не нарушит. К тому же папа, конечно, разрешил бы помочь. Помогать другим – это правильно и важно. С этим даже бабушка спорить не станет.

– Ладно. – Следом за Грейс Тедди переступил порог, и уже через секунду дом принял его в свои теплые объятия.

Кеннеди Арчер стоял в своем кабинете в банке перед ви-

севшей на стене большим портретом Рэймонда Милтона. Детство его отца, Отиса Арчера, прошло в соседнем городке, Юкке, в доме с земляным полом. Его мать рано овдовела, и кроме Отиса у нее было еще десять своих братьев и сестер. Он не смог закончить среднюю школу, потому что присматривал за хлопководческой фермой, где жила их семья, а в остальное время работал на заправке в городе. Денег на колледж не было, а без колледжа рассчитывать на серьезное улучшение положения не приходилось. Тем не менее ему удалось убедить Рэймонда Милтона, сделавшего состояние на грузовых перевозках в те времена, когда Юкка была важным перевалочным пунктом на железнодорожной линии между Мобилом и Огайо, что из него может что-то получиться. Милтон дал денег на бизнес, и Отис, которому исполнилось тогда двадцать пять, открыл «Стилуотер-бэнк».

К тридцати годам Отис не только заработал свой первый миллион, но и покориł сердце младшей дочери Милтона, Камиллы. Тянуть со свадьбой не стали. К сорока Отиса избрали мэром Стилуотера, а в год смерти старика Милтона, год, когда родился Кеннеди, Арчер-старший унаследовал еще один миллион.

Отис Арчер прошел путь от бедности к богатству и стал самым важным, самым влиятельным человеком в Стилуотере. И ему было что передать сыну.

Секретарша сообщила, что его спрашивают. Кеннеди не ответил. После звонка шефа местной полиции он уже знал,

что это Джо. Разговаривать со старым другом не хотелось, к тому же у него оставалось совсем мало времени до важной встречи. Кеннеди уже собирался уходить, но в последний момент его внимание почему-то привлек портрет деда. Стиллуотер никогда не был каким-то особенным и, в отличие от многих других городов, ничем не прославился, но Кеннеди, как ни странно, питал к нему теплые чувства. Он полагал, что станет хорошим мэром. Жизнь подготовила его к этой работе, и его вполне устраивал избранный путь. Но ему никак не хотелось, чтобы здесь, в кабинете, рядом с портретом деда висел портрет отца. После гибели Рэйлин прошло слишком мало времени, чтобы прощаться с еще одним членом семьи.

– Я сказал ей, что твоя машина еще на парковке.

Кеннеди повернулся – Джо Винчелли не вошел, а ворвался в кабинет.

– Какой сюрприз.

Джо не заметил сарказма.

– Ты почему не ответил, когда Лилли соединила?

– Был занят.

Брови у Джо прыгнули вверх – предложенное объяснение явно показалось ему неубедительным. Возможно, он отреагировал бы иначе, если бы знал о страшной болезни, медленно поедающей Отиса изнутри, но об этом не знал никто – так решили сами Арчеры. Все прекрасно понимали, как отразится на положении банка известие о том, что председа-

тель совета правления, возможно, не доживет до Рождества, и как поведут себя инвесторы. К тому же Кеннеди вовсе не был уверен, что справится с той волной сочувствия, которая обязательно обрушится на него, если за пределы семейного круга просочится хоть слово о болезни отца.

Охранять тайну становилось все труднее, тем более что в следующем месяце Отису предстояло пройти курс химиотерапии. Но Кеннеди знал – они постараются сделать все, чтобы правда о состоянии здоровья отца не стала достоянием гласности. Так нужно – ради благополучия банка и покоя семьи, столь ценимого ими всеми.

– Что случилось? – спросил он, сделав вид, будто ничего не знает.

– Хочу, чтобы Маккормик заново открыл дело моего дяди.

Кеннеди посмотрел на друга. Дело, о котором шла речь, пылилось на полке на протяжении многих лет, и вот теперь Джо как будто очнулся и требует нового расследования. С чего бы? Да, Ли Баркер доводился ему дядей, но в год исчезновения преподобного Джо едва исполнилось тринадцать лет. И раньше он никогда ни на каких решительных действиях не настаивал.

– Маккормик звонил мне несколько минут назад. Сказал, что ты к нему заходил.

– Заявил, будто не может повторно открыть дело без достаточных на то причин. – Джо плюхнулся в кресло. – Но я

знаю, он согласится, если ты немного на него надавишь.

– А зачем это надо? – спросил Кеннеди. – Какой смысл?

– Может, найдем что-нибудь в этот раз.

– А может, не найдем.

– Перестань, Кеннеди. Все знают, что они, Клэй или Айрин, убили моего дядю. Пора это доказать. Подумай сам, какой плюс перед выборами. Если благодаря тебе город узнает, что произошло тогда на ферме, у Викки Нибли не будет ни единого шанса.

Кеннеди вернулся к столу, присел на угол. Им обоим было по двенадцать, когда отец Джо взял их в поход. Рано утром Кеннеди поскользнулся на камнях и упал в реку.

Отец Джо еще спал, и бежать за ним не было времени. Сильное течение уносило Кеннеди под скалистый выступ, и тогда Джо, рискуя собственной жизнью, пришел другу на помощь.

Кеннеди чувствовал себя обязанным Джо, но предложение друга ему не нравилось.

– Мэрское кресло меня не слишком волнует. Проиграю – останусь в банке. Мне и здесь работы хватит.

– Ты что такое говоришь! – удивился Джо. – Ты же мечтал о том, чтобы занять когда-нибудь отцовское место.

– Даже если проиграю, жизнь на этом не закончится.

– Но разве ты не хочешь выяснить, что случилось с моим дядей?

Конечно, он хотел. Как и все в городе. Внезапное возвра-

щение Грейс дало многим повод посудачить на старую тему. Некоторые говорили, что видели, как машина преподобного в тот вечер сворачивала с шоссе к ферме; другие утверждали, что он выехал из города в противоположном направлении. Нашлась даже женщина – это Кеннеди узнал несколько минут назад из телефонного разговора с Маккормиком, – которая заявила, что встретила преподобного в торговом центре в Джексоне всего лишь пару месяцев назад. И все же большинство указывали пальцем на Айрин или Клэя. Кое-кто кивал на Грейс, хотя она в ту пору была всего лишь подростком. Свободной от обвинений оставалась только Мэдлин, да и то лишь потому, что ее в ту ночь на ферме не оказалось.

У Кеннеди были свои подозрения, но, как и у остальных, никаких доказательств. Теперь, по прошествии времени, город снова переполнялся слухами, но Кеннеди гораздо больше занимала сама Грейс, чем судьба преподобного. За внешней суровостью и даже жесткостью ему виделась хрупкая, ранимая натура, женщина трагической судьбы. Контраст между ее красотой и тьмой, скрывающей ее прошлое, волновал воображение.

Накануне вечером он долго не мог уснуть, размышлял над тем, кем она была и кем стала, уехав из Стиллуотера с одним лишь школьным дипломом на руках. И ловил себя на том, что снова и снова вспоминает обнаженную фигуру в окне.

– Конечно, я хотел бы это знать. Но я вовсе не собираюсь

портить жизнь Монтгомери без достаточных на то оснований.

Откинувшись на спинку кресла, Джо вытянул длинные ноги.

– Ну, тогда сделай это ради меня.

Кеннеди всегда боялся, что рано или поздно этот момент наступит. Хотя Джо никогда не вспоминал без нужды тот давний эпизод на реке, чем вызывал уважение друзей, Кеннеди всегда чувствовал, что обязан Джо так, как не обязан никому другому.

Он подумал о Грейс, о том, чем обернется для нее возобновление расследования.

– Не могу. У меня нет на это власти.

Джо скорчил гримасу:

– Мы оба знаем, что в этом городе всем распоряжается твой отец. В последнее время он почти все перепоручил тебе. Потолкуй с Маккормиком. Пусть пошевелится.

Джо бывал всяким. Забавным, когда выпивал. Для друзей мог сделать едва ли не все, что угодно. С другой стороны, Джо был способен на подлость, да и жизнь свою так и не смог устроить. Он дважды разводился с одной и той же женщиной и, если бы не родители, наверно, сидел бы без дела. Владея расположенным к северу от города магазином стройматериалов, они позволяли сыну делать вид, будто он работает там управляющим, хотя большую часть времени Джо проводил с приятелями, ухлестывал за девушками да кланчил у Кен-

неди денег.

– С какой стати?

– С такой, что совершено преступление!

– Этого мы не знаем.

Независимо от того, что случилось восемнадцать лет назад и была ли в случившемся вина Грейс, она уже заплатила за ту ночь немалую цену. И даже если Джо был прав насчет ее семьи, Кеннеди почему-то не хотелось возобновлять преследование.

– Почему бы не проверить? Не выяснить все наверняка? – продолжал Джо. – Устрой так, чтобы я смог прийти туда с лопатой да покопаться как следует. Если тело там, я его найду.

– Полиция уже обыскивала ферму. И ничего не нашла.

– А, брось! Обыск проводил старик Дженкинс, и ты не хуже меня знаешь, что он без проводника и собственную задницу не найдет. Это же все равно что доверить расследование Барни Файфу.¹

– В любом случае Маккормику потребуется еще один ордер, а получить его будет нелегко. Как-никак одна попытка у полиции уже была. Ты, может быть, не знаешь, но судьи не одобряют вторжения в частную жизнь граждан. И с Клэем не договоришься. Он свою ферму сторожит, как пес будку,

---

¹ Барни Файф – вымышленный комический персонаж в американской телевизионной программе «Энди Гриффит шоу», синоним гиперактивного, некомпетентного и опасного для окружающих служителя закона. (Примеч. пер.)

и разрешения не даст.

– Судья Рейнольдс тебя послушает.

Кеннеди вспомнил, как Джо вел себя в пиццерии.

– Послушай, дело ведь не в том, что ты так уж стремишься восстановить справедливость в отношении своего дяди. Я не ошибаюсь, а?

– Ошибаешься, – ухмыльнулся Джо.

– Сдается мне, тебя больше заботит, как бы насолить Грейс.

– Хочешь сказать, Зубрилке Грейси? – презрительно, словно она не заслуживала такого внимания, процедил Джо. – Чепуха. С какой стати?

– Не знаю. Но если ты именно этого добиваешься... – Кеннеди взял со стола стеклянное папье-маше, подарок сотрудников к Рождеству, подержал, словно взвешивая, на ладони и вернул на место, – то я скажу так: хватит с нее и того, что ты сделал в школе.

– Да пошел ты! – бросил, вскакивая, Джо. – Я ей в школе ничего такого не сделал!

Зазвонил телефон. Кеннеди поднял руку, предлагая приятелю немного подождать, и взял трубку. Может быть, перерыв пойдет на пользу, и напряжение спадет. Но Джо только выругался и шагнул к двери.

– Тоже мне друг, – пробурчал он.

Кеннеди уже ждал следующей реплики, чего-нибудь вроде «если бы не я, тебя бы здесь вообще не было», но Джо ничего

больше не сказал и вышел в коридор.

Кеннеди хотел пойти за ним. Догнать, сказать, что пора забыть прошлое, двигаться дальше самому и не мешать другим. Но на другом конце линии была Камилла:

– Алло? Кеннеди? Это ты?

Он устало потер виски. Судя по резким ноткам в голосе матери, случилось что-то серьезное.

– Да, я. Слушаю. В чем дело?

– Тебе нужно поговорить с сыном.

Кеннеди сразу понял, речь идет не о Хите.

– И что Тедди натворил на сей раз?

– Отправился к Грейс Монтгомери. Около полудня.

– Мы об этом уже говорили. Я разрешил ему подстричь у нее лужайку.

– Но я дала ему час времени. Кеннеди взглянул на часы:

– Может, парень просто забыл.

– Это не оправдание. Как я могу выпускать его из дому, если он не умеет соблюдать простые правила?

Все так, Тедди должен учиться ответственности.

– Ты права. Я поговорю с ним вечером, ладно? Посмотрим, что будет дальше.

– Нет. Ты должен сейчас же отправиться туда. Прошло уже три часа! Мне это не нравится. Грейс не самый приятный человек.

– Не думаю, что она и вполтину так плоха, как ты ее расписываешь. Не забывай, Грейс – помощник окружного про-

курора. И насколько мне известно, чертовски хороший помощник.

– Хороший или плохой – не важно. Ты знаешь, что, живя здесь, она не являла собой пример образцового поведения. И я не думаю, что ты готов рисковать благополучием Тедди.

Камилла знала, куда бить, и ударила в самое уязвимое место. После случившегося с Рэйлин Кеннеди взял за правило ничего не принимать на веру и ко всему относиться с сомнением.

– Конечно. Я сейчас же туда отправлюсь.

«Пусть даже опоздаю на встречу», – мысленно добавил он, подавив вздох раздражения.

– Так и сделай. И скажи Тедди, чтобы шел домой.

– Я перезвоню, – уклончиво пообещал Кеннеди.

На звонок в дверь никто не ответил, и Кеннеди, спустившись с крыльца, заглянул в ближайшее окно. Похоже, Грейс успела неплохо устроиться. На полу в гостиной лежал круглый ковер, между мягким диваном и креслом стоял журнальный столик, в углу нашлось место для старомодного секретера. Через открытый проем, который вел в столовую, был виден стол красного дерева и стулья. В следующей комнате обнаружилась обитая кожей софа. Мебель была как новая, так и старая, ничего изысканного или модного, но подобрана со вкусом.

– Есть кто-нибудь? – Вернувшись к двери, Кеннеди посту-

чал еще раз.

И снова никакого ответа, хотя ее БМВ – он проверил это первым делом – стоял в гараже.

Начиная волноваться, Кеннеди обошел дом. Может быть, удастся войти через заднюю дверь? Но, едва открыв калитку, он услышал женский голос и остановился.

Грейс?

Остановившись за большим тополем, Кеннеди осторожно раздвинул ветки.

Это и впрямь была она. И Тедди с ней. Но только ничего дьявольского Грейс с ним не делала. Они сидели за легким столиком и читали книгу.

– Как думаешь, почему он пойдет в такую темную пещеру? – спросила Грейс.

– Наверно, из любопытства, – ответил, рассматривая иллюстрацию, Тедди.

– Но ведь ты никогда бы не пошел в темную пещеру в одиночку.

Мальчик покачал головой:

– Я бы не пошел. Но мне хочется, чтобы он пошел. А вам?

Грейс рассмеялась:

– Ты говоришь так, как и подобает настоящему мальчишке. Тебе уже нравится опасность.

– А вы как думаете, с ним там ничего плохого не случится?

– Он ведь может и заблудиться. Посмотрим. – Она пере-

вернула страницу и стала читать. На ней были шорты и майка, а босые ноги прятались под стулом.

Кеннеди смотрел и не верил собственным глазам.

– Сейчас с ним точно что-нибудь случится, – вздохнул Тедди, переживая за героя, который только что соскользнул по склону и провалился в темную расщелину. – Но ведь кто-то должен прийти ему на помощь, правда?

– Может быть, – пожала плечами Грейс. – Но на других лучше не полагаться. Спасаться нужно самому. Помни это и не забывай.

– А почему нельзя полагаться на других?

Она немного помедлила с ответом.

– Иногда твоих криков просто никто не слышит.

Кеннеди почему-то показалось, что Грейс говорит не о книжном герое, а о себе самой. Да, в школе ей доставалось крепко. Ему стало не по себе, как будто он сам, лично, был причиной ее страданий.

Что ж, по крайней мере, его сыну здесь ничто не угрожает. Скорее наоборот, Тедди определенно получал то, чем был обделен после смерти матери: уют, покой и заботу.

Не желая вмешиваться, Кеннеди неслышно отступил к дорожке, выскользнул за калитку и вернулся к машине. Сев за руль, он достал телефон и набрал номер матери.

– С Тедди все в порядке. Беспокоиться не о чем.

– Он возвращается домой?

Кеннеди свернул на Мейн-стрит.

– Еще нет.

– Почему?

– Тедди занят.

– Он еще с ней?

Описывать картину, свидетелем которой он только что стал, не хотелось. Кеннеди чувствовал глубокую признательность к Грейс, так по-доброму отнесшейся к его сыну. И это притом, что к нему самому она теплых чувств определенно не испытывает.

– Подметает у нее в гараже, – соврал Кеннеди, зная, что его практичная мать скорее примет такое объяснение.

В следующую секунду он понял, что недооценил ее неприязни к Грейс.

– Она что же, собирается гонять его весь день, а потом отделаться парой долларов? И ты смиришься с тем, что твоего сына используют?

– Его никто не использует, – сердито бросил Кеннеди. – Я все уладил.

За вспышкой последовало напряженное молчание. Он с трудом сдерживал всколыхнувшиеся эмоции. Да, они с матерью сходились не всегда, случались и стычки, но все ее поступки диктовались любовью. А сейчас на ее плечи свалилась слишком тяжелая ноша. Он не раз думал о том, чтобы пригласить сиделку, но неизменно приходил к выводу, что никому от этого лучше не станет. Сиделка в любом случае не дала бы детям того, что они потеряли со смертью матери;

Камиллу отстранение от внуков только бы обидело – она сочла бы такой шаг признанием ее неспособности справиться с ними.

– Все в порядке, – сказал он, смягчив тон. – Не волнуйся. Тедди вернется, когда вернется.

– Нужно было сказать, чтобы вернулся немедленно. Я ведь тебя об этом просила.

– Зачем? Разве ты хочешь почитать ему?

– Что?

– Ничего. – Он дал отбой.

Глава 6

Из распахнутых дверей бильярдной, вплотную примыкавшей к автомастерской Джеда, доносились звуки кантри-вестерна. Прижавшись к стене, Грейс думала только о том, что, если хоть немного наклонится вперед, ее, вероятно, увидит добрая половина мужской части Стилутера, пришедших сюда поиграть в дартс, покатать шары и попить пива. И все же именно этот вариант – подобраться к задней двери мастерской со стороны бильярдной – оставался лучшим из всех возможных. Расположенная на Мейн-стрит, всего лишь в нескольких кварталах от дома Ивонны, мастерская Джеда находилась поблизости от самого оживленного в городе перекрестка. О том, чтобы подойти к передней двери, нечего было и думать. Что касается лавки Уэйта Истмана с другой стороны, то там была большая собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.